

II. Материалы региональной научной конференции «История и историк в ситуации интердисциплинарности»

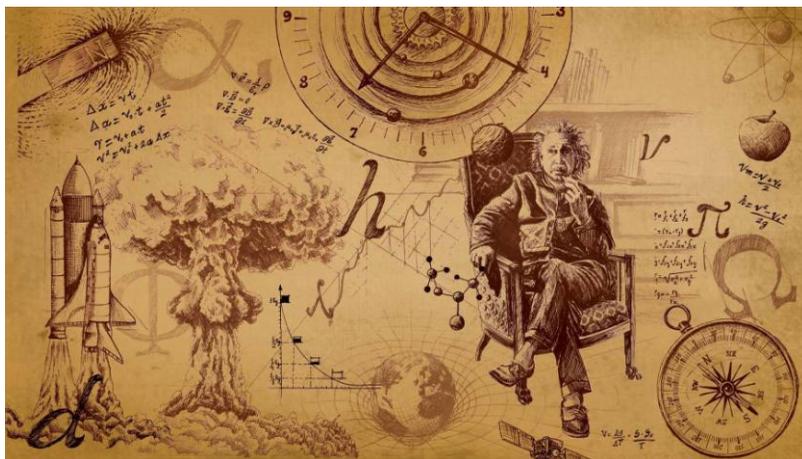
Министерство образования и науки РФ
Уральский государственный педагогический университет
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИК В СИТУАЦИИ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

ПРОГРАММА
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ)
Екатеринбург, 20 апреля 2015 г. в 16.00

Вопросы для обсуждения:

1. Древность и Средневековье: Historia или memoria? Историописание, растворенное в гуманистике.
2. Модерн: «научная история» и ее самодостаточность.
3. Постмодерн: «новая» социокультурная история?
4. После пост-модерна: возвращение к себе или бегство от себя?
5. Великая Отечественная война: взгляд историка и «неисторика»...

Организационный комитет:

Бахтина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, и.о. декана исторического факультета Уральского государственного педагогического университета;

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Шистеров Максим Валерьевич кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Постникова Алёна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Голотина Алёна Игоревна, ст. лаборант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Ведущий дискуссии:

Земцов Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории УрГПУ.

Участники дискуссии:

Голотина Алёна Игоревна, ст. лаборант кафедры всеобщей истории УрГПУ;

Долженков Александр Андреевич, магистрант кафедры новой и новейшей истории УрФУ;

Клименко Иван Михайлович, канд. пед. наук, профессор, декан исторического ф-та УрГПУ;

Коробицына Луиза Владимировна, студент 5 курса исторического факультета УрГПУ;

Кузнецова Екатерина Александровна, студент 2-го курса Института филологии, культурологи и межкультурной коммуникации УрГПУ;

Прокофьев Александр Игоревич, студент 5-го курса исторического ф-та УрГПУ.

Постникова Алена Александровна, канд. ист. наук, ст. преподаватель каф. всеобщей истории УрГПУ;

Швецова Антонина Валерьевна, студент 2-го курса Института филологии, культурологи и межкультурной коммуникации УрГПУ;

Шестакова Надежда Фёдоровна, аспирант кафедры всеобщей истории УрГПУ;

Шистеров Максим Валерьевич, канд. ист. наук, доцент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Шумкина Татьяна Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент, доцент каф. всеобщей истории УрГПУ.

**Стенограмма «круглого стола» конференции «История и историк
в ситуации междисциплинарности»
(печатается с сокращениями)**

В.Н. Земцов: Уважаемые коллеги, уважаемые друзья, мы начинаем круглый стол нашей седьмой конференции...

Некоторое время назад, примерно полгода или чуть больше, у нас родилась идея провести не только этот круглый стол, но и посвятить наш очередной выпуск «Вопросов всеобщей истории», нашего 17-го кафедрального сборника, такой непростой проблеме, как метод и методология историописания.

С чем это связано? Наверняка многие из присутствующих здесь сталкивались с тем, что при написании наших исторических работ, будь то курсовая, диплом, диссертация, монография или статья, мы, так или иначе, сталкиваемся с проблемой методологического обоснования. И вообще я бы всех историков разделил на три или четыре категории по тому, как они обращаются с тем, что мы называем методологией: первые сначала пишут, а потом начинают думать, в какой методологической парадигме они это написали; такая практика на начальной стадии становления историка очень распространена (есть и весьма убежденные седины исследователи, так поступающие); второй вариант – автор сначала обдумывает методологию, а потом начинают писать, и под эту методологию начинает отбирать собственно исторический материал; но таких не так много; третьи делают все параллельно – у них есть первоначальный посыл, но в процессе работы и в зависимости от того материала, который у них «идет», они корректируют методологические основания или, в конечном итоге, отказываются от изначально заданной методологической парадигмы. Мне кажется, что первая категория («Сначала пишут, потом думают») самая многочисленная. На мой взгляд, наиболее оптимистичным выглядит вариант третий, то есть, когда все делается параллельно; так работают, как правило, уже опытные исследователи.

Но есть еще и четвертая категория: эти люди не знают, что они пишут, какова их методология, и они даже не соотносят то, что они написали с методологией; но для защиты своих «трудов» им обязательно нужно обосновать, и они часто делают это очень формально, часто невпопад. Последний пример: дней десять назад диссертационный совет по историческим наукам в УрФУ провалил докторскую диссертацию, что случается крайне редко. На моей памяти такого вообще не было, правда, слухи доходили, что когда-то в середине 90-х годов был такой случай. Причем за две недели до этого была «провалена» и кандидатская диссертация. Теперь же защищалась докторская, и многих поразило то, что один оппонент по - Игорь

Николаевич Данилевский (я надеюсь, что многим сидящим здесь его имя известно; на сегодняшний день самый выдающийся русист, занимающийся средневековой историей) – выступая сказал, что в работе нет никакой герменевтики, хотя в диссертации было заявлено, что многие вещи рассмотрены в герменевтическом ключе. Хочу напомнить, что Данилевский в общем-то специалист в герменевтике... И третий оппонент, которая, правда, сама не приехала, высказала мнение, что диссертация выполнена в новой парадигме, герменевтической. И кому верить? Конечно, герменевтики там не было в принципе, как и источников, которые нужно было привлечь. И в этом плане подобный случай очень показательный, так как таких работ на сегодняшний день немало. Хотя странно, ведь если бы речь шла о советском или сразу постсоветском времени, там бы все было просто – надо сослаться на К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина или на документы партии (ведь это была методологическая основа), наконец, заявить, что работа написана в рамках историзма, и этого было бы достаточно, и это было хорошо. Поскольку, как правило, это были хорошие фактологические работы, а люди не пытались из кожи вон лезть, чтобы показать, что их работы прорывные. А уже потом надо было «искать» какую-то методологию, чаще всего не связанную с идеями Маркса и Энгельса. Хотя, по большому счету, во многих работах люди все еще пишут по Марксу (это в лучшем случае) или по Ленину и думают, что никто этого не понимает, потому что они ни разу не сослались на классиков марксизма-ленинизма. И это, конечно, убивает. И это ничем не лучше того, что было в советское время. Сегодня тоже идет очень много халтуры. В Интернете сейчас продолжается кампания по «разоблачению» министра культуры В. Мединского, который защитил целых три диссертации... А уж как он их защитил, можете догадаться.... Там есть тексты, и можете сами посмотреть, что и откуда он взял... *Quod licet Iovi non licet bovi...*

Друзья мои, если мы обратимся к реальности и отрешимся от голословных размышлений о том, какие есть категории историков в отношении методологических основ их творчества, то увидим, что в действительности все оказывается очень непросто... Непросто, когда мы сталкиваемся с работой историка на практике. Четко разграничить методологические подходы бывает невозможно. И в последнее время многие из нас, из моих коллег и я, мы ощущаем наступающую усталость от этих бесконечных методологических поисков. Много лет назад, в конце 90-х годов, это предсказал М.А. Бойцов, наш известный медиевист, издававший в свое время вместе с Ю.Л. Бессмертным альманах «Казус». Бойцов действительно крупный медиевист, и я не знаю, где он больше работает – в зарубежных вузах или у нас; официально он работает в Высшей школе экономики. Он опубликовал

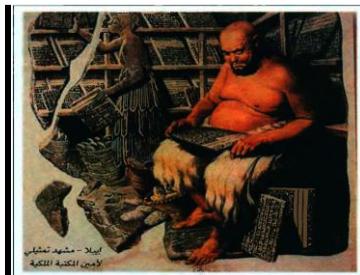
известную многим из сидящих здесь статью под названием «Вперед, к Геродоту!». Вперед! но к Геродоту – это, на первый взгляд, казалось странным. Он предположил, что в дальнейшем роизойдет возвращение к так называемому историческому значеству – все больше будут цениться не методологические поиски, а конкретное фактологическое знание. В ряде случаев, когда сталкиваешься с работами медиевистов, действительно осознаешь ту глубину фактологической погруженности, которую они демонстрируют, в отличие от некоторых из нас, кто занимается Новой историей, Новейшей историей или историей России. У них эта традиция сохранилась. Она была еще в советское время. И не есть ли это то самое, что сегодня часто фигурирует под понятием «пост-постмодерн»? Но для того, чтобы понять, куда мы движемся, какие методологические ориентиры мы будем в ближайшем времени избирать, и будем ли избирать вообще, думаю, что мы между собой вначале должны обговорить, что мы понимаем под модерном, постмодерном и пост-постмодерном. И наконец, было ли что-нибудь до модерна: как вообще писали историю и задумывались ли над ее методологическими основами?

Обратиться к этому оказалось не просто потому, что историки не всегда могут четко, конкретно и ясно определить, какой смысл они вкладывают в то или иное понятие. Неделю назад Людмила Николаевна Мазур спросила меня, состоится ли наш круглый стол и сказала, что ее очень волнует один вопрос: как понимать модерн применительно к историческому исследованию. Мы обменялись мнениями по этому поводу... Наши мнения разошлись...

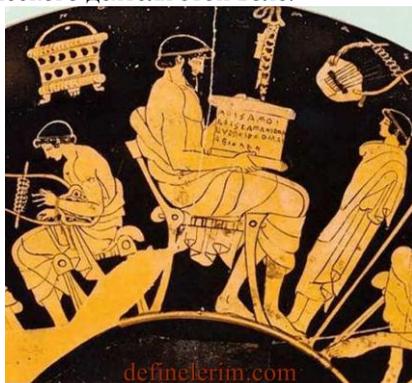
И перед тем, как начать само обсуждение и передать слово моим коллегам, я подготовил маленький иллюстративный ряд. Сейчас мы его посмотрим. Я кое-что буду комментировать, а чаще всего не буду, потому что многим из сидящих здесь и так все понятно...

[Участники «круглого стола» смотрят слайды]

Вот глиняные таблички, вот отсюда начиналась письменная история. И, возможно, древние шумеры и аккадцы выглядели именно таким образом...

Это греки. Греки тоже просто пишут о том, пишут то, что они слышат, что они видят, иногда сопоставляют это с волею богов – соответствует или не соответствует поступок того или иного политического деятеля этой воле.

Это тоже символ, хотя это и эпоха Рафаэля, но, тем не менее, эти две фигуры стали классическими – Аристотель и Платон. В сущность, в Средние века и даже в начале Нового времени все было связано с этими двумя мировоззренческими философскими позициями применительно к восприятию прошлого.

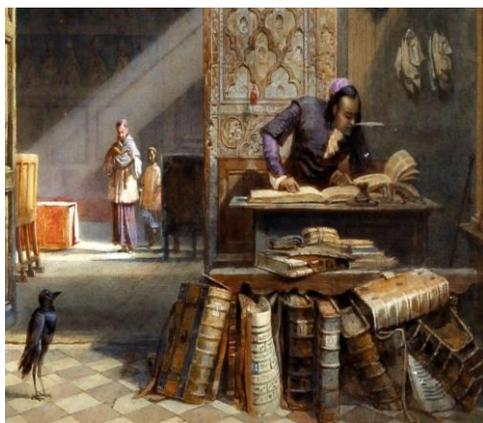
Это Средневековье – писец-скриптор, чем-то напоминающий тех историков, которые, слава богу, начинают сегодня появляться. В сущности, они были и раньше. Кто такой скриптор? Скриптор – это тот, кто только фиксирует; он не проявляет слишком большой самостоятельности или ему кажется, что это не проявляет...

Это тоже известная картинка – Мерлин рассказывает историю о короле Артуре. Мерлин, сам по себе, мифологическая фигура, рассказывает историю о мифологической фигуре... Это монах Блэз, который все записывает. Он только записывает, не более, он только скриптор.

Вот еще один символ средневекового исторического знания. Мне особенно нравится этот персонаж: то ли галка, то ли ворон... И вообще, все фигуры очень символические. В особенности эти тома книг (прямо 12-томная «Великая Отечественная война» какая-то, которая только что издана. Это тоже очень символично...

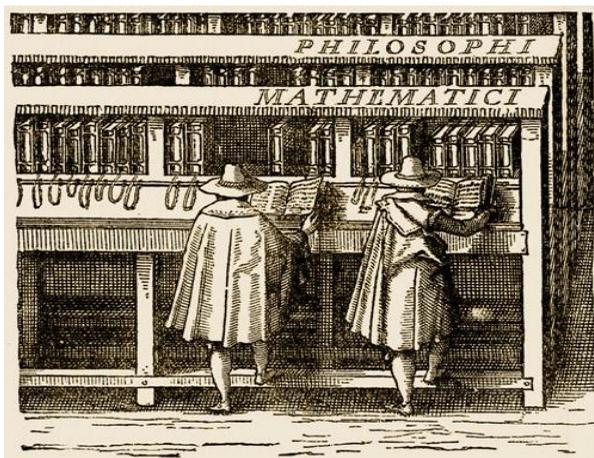

Так прошел первый этап методологических поисков в историописании, который обозначен у нас в заявке.

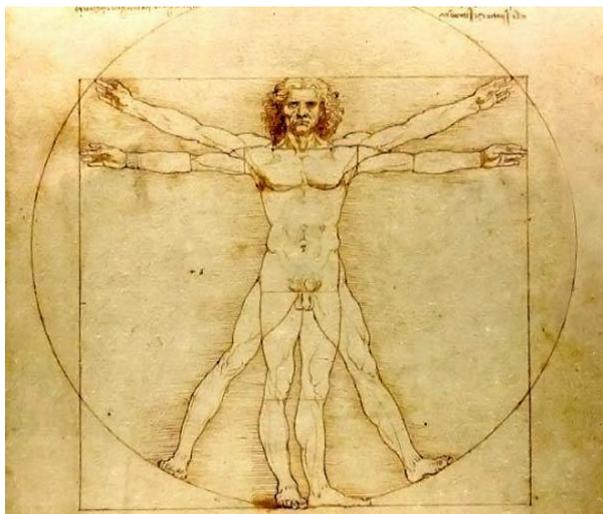
Следующий этап: наступили времена Новой истории. Все тоже очень символично – надо вскрыть «тело», чтобы посмотреть, как это все устроено, и выдать результат. И историки начали поступать точно так же. Им казалось, что достаточно набрать каких-то фактов, сопоставить их между собой, открыть законы истории, и все встанет на свои места.

Это еще в начале Нового времени: философы и математики стоят рядом и совместно читают книги. Эти времена давно прошли, хотя некоторые философы пытаются писать историю, правда, историки не хотят превращаться в философов...

Тоже очень символично – человек эпохи Леонардо да Винчи. Все ясно, четко, понятно.

И результатом этого стала жесткая периодизация всемирной истории. Вот оказывается, как все было на самом деле.

Периодизация всемирной истории

Период истории	Хронологические рамки	Длительность периода
Первобытное общество	около 2млн лет назад – 4-е тысячелетие до н.э.	около 2млн лет (20000 веков)
Древний мир	5-е тысячелетие до н.э. – середина 1-го тысячелетия н.э.	около 4 тыс. лет (40 веков)
Средние века	476г. – середина XVIIв.	около 1200 лет (12 веков)
Новое время	середина XVII – начало XXв.	около 300 лет (3 века)
Новейшая история	1918г. – начало XXIв.	около 100 лет (менее века)

И, наконец, вот тот, кто может заниматься историей, какие из наук относятся к историческим, а какие к научным дисциплинам, которые могут что-то дать для исторического знания.

История – комплекс наук, изучающих прошлое человечества

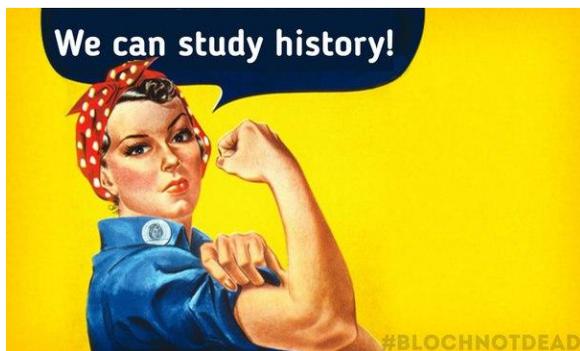

MyShared

Список есть. Укладываемся ты в него или нет? Но особенно страшно, когда сегодня люди защищают диссертации на основе междисциплинарности, а таких работ достаточно много, а порядок соответствия текста диссертации той или иной специальности очень жесткий. 02 – история России, 03 – всеобщая история, 09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования и т.д. А как быть, когда ты создаешь междисциплинарный синтез? Вот и гадают диссертационные советы и сами диссертанты над тем, как «проскочить» этот этап. Так обычно и говорят диссертанту: «Ты вначале напиши такую работу, чтобы она

соответствовала требованиям этой специальности, иначе ее просто не пропустят, а потом пиши что хочешь». Это все еще от тех времен.

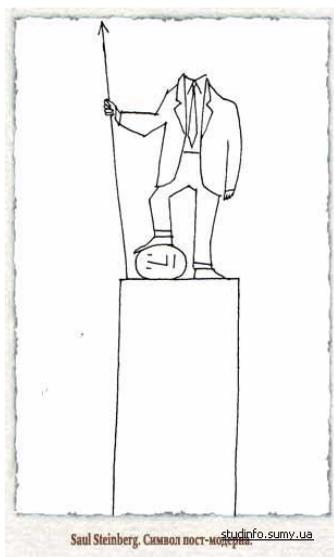
И вот, We can study history – мы можем изучать историю, напрягаем мышцы. Очень характерная картинка. То есть, мы можем познать прошлое. Есть определенные законы и их надо соблюдать, есть процедуры и их надо соблюдать. И все будет нормально. Мы историю познаём.

Третье – это эпоха постмодерна. Эпоха сейчас очень популярная. Она еще не закончилась, а в ряде случаев она даже не начиналась. «А у нас в квартире газ, а у вас? А у нас постмодернизм...»

Вот еще один символ постмодерна в исторической науке... без головы, а голову он припер ногой.

Вот текст и человек в объятиях текста. Есть только текст и ничего более, а текст можно толковать так или иначе, потому что есть сотни его интерпретаций. А если это так, значит, и истины нет. Какой была история, никто не знает. Так мы с текстом и обнимаемся.

И это тоже постмодерн... Полное смешение всего.

Ну и для школьников, а может даже и для студентов – «Основные идеи постмодернизма». В сущности, постмодернизм отвергает любые идеи, любые законы, а здесь он оказывается должен подчиняться шести основным положениям.

Постмодернистские концепции истории

Основные идеи постмодернизма

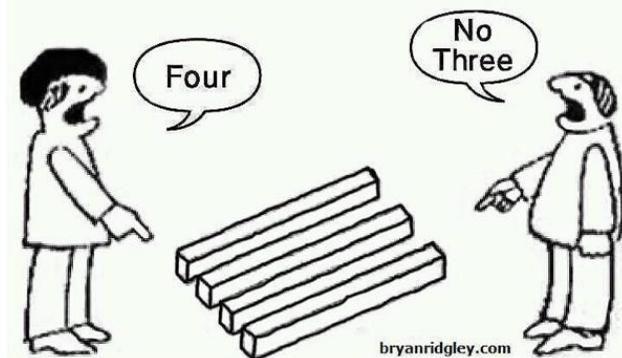
- отрицание противоположностей в истории
- признание разнообразия истории, в котором нельзя выделить главные тенденции движения
- все составляющие мира признаются одинаково важными и легитимными, история превращается в цепь перемешанных событий, фактов, процессов
- мир непонятен и однообразен
- все исторические знания относительны
- реально в истории только настоящее, прошлое – это нагромождение событий, будущее – только планы

23

MS Shared

Что же нас ожидает? Смысл понятен: одни люди видят так, а другие иначе. Один говорит: «Четыре», и действительно он видит четыре, а другой говорит: «Три», и он действительно видит три палочки, а не четыре. Три или четыре?

Reality can be so complex that equally valid observations from differing perspectives can appear to be contradictory.

Это не менее интересная картинка: «Вот закончится постмодерн, тогда и заживём», а уже поздно, смотрите, в кого они превратились!

Вот еще: «Вот закончится постмодерн, тогда и заживем». Прямо как в старых фильмах 1950-х... Когда же постмодерн закончится?

Я бы сказал, что так надеются на окончание эпохи постмодерна те, кто привык работать в рамках позитивизма, причем социалистического позитивизма, советского. Когда же, наконец, этот постмодерн закончится? Но боюсь, что он закончится не скоро, а может, и хорошо. А может, мы как раз возвратимся к этому – к афинской школе, либо к Аристотелю, либо к Платону? Может, в сущности, ничего кроме этого и нет? Может, все остальное – наши пустые размышления?

Ну и последний момент, который мы заявляли. И, наверное, это связано не только с тем, что у нас большой юбилей, 70 лет Победы, но еще и с тем, что сегодня существует некая растерянность в среде политиков, историков, общественности в отношении того, где же истина...

Вот официальная история. История сегодняшнего дня. «Великая Отечественная война» в 12 томах. Ее вы можете свободно посмотреть на сайте Министерства обороны. Можно скачать. Так что за полчаса вы будете обладателем этого 12-томника. Проанализируйте его, посмотрите.

Часа два-три назад я позвонил своему старому товарищу А.М. Кручинину, и он сказал, что уже скачал эти тома и высказал свое мнение о том, что 12-томник написан так, как это было в лучшие времена Л.И. Брежнева и многое просто с книг тех времен списано. И он сказал интересную вещь о том, что при просмотре справочного аппарата увидел там ссылки на А.Г. Чевтаева, нашего старшего коллеги. Но на работу А.Г. Чевтаева сослались очень своеобразно: по нему цитировали У. Черчилля. Я начал смеяться, но А.М. Кручинин меня остановил и сказал, что уже посмотрел, на что же именно авторы сослались в работах А.Г. Чевтаева. Оказалось, что этих цитат там и вовсе нет. Вот так сегодня пишется официальная история!

Я напомним, как звучит один из предложенных нами к обсуждению тезисов: «Великая Отечественная война: взгляд историка

и “неисторика”». Вот это взгляд «историка»! И попробуйте сказать, что это не так...

А вот, по моему мнению, взгляд «неисторика». Наверное, такой и была война. Война, которая этим «ребятам», писавшим 12-томник, совершенно не ведома.

Вернемся к началу, к Аристотелю и Платону. Вот такой мы предложили визуальный ряд, который, мы надеемся, поможет нам не слишком серьезно отнестись к тому, о чем мы будем говорить.

Итак, первый вопрос, который предлагается для обсуждения: «Древность и Средневековье: история или мифология? Историописание, растворенное в гуманистике».

М.В. Шистеров: Я понимаю, что именно мне предлагается продолжить. Буквально два слова о том, чем Владимир Николаевич закончил: не так давно мне попала в руки книга издательства «Неприкосновенный запас», появившаяся в связи с юбилеем 60-летия Победы в 2005 году. Эта книга называется «Память о войне» и в ней был предложен интересный взгляд: книга частично была написана россиянами (не только профессиональными историками, но и публицистами), частично – европейцами (по большей части немцами). Кроме того, в книге были представлены сюжеты, связанные с Японией в войне и другими азиатскими странами, то есть материал книги не ограничивается Европой. Сама эта работа представляла собой сборник материалов, которые ранее публиковались в журнальном формате, а потом были изданы отдельным томом. Книга читается замечательно,

тем более что прошло уже десять лет и можно сравнить, что изменилось за это время и изменилось ли что-то существенное в наших взглядах на войну. Как раз там был блок о памяти: и памяти профессионалов (историография – это тоже своего рода память), и о памяти в более широком контексте.

Возвращаюсь к началу. Понятно, что в рамках нашего круглого стола мы не можем серьезно углубляться в тему «рождения истории». Тем более что это вопрос вечный, и он никогда не будет решен до конца. К примеру, иные востоковеды говорят о том, что историописание появилось не в Греции, а существенно раньше – уже в III тысячелетии до н. э. в Египте усматривают зачатки этого явления. Другой пример – китайская историография, хотя, конечно, хронологически она сложилась несколько позже, чем писали Геродот с Фукидидом.

Если остановиться на нескольких моментах, которые мне представляются наиболее интересными, то хотелось бы оттолкнуться от фигуры человека – историописца, который фиксирует те или иные события. Как возникла история и с чем это связано? Почему именно в Греции сложился этот нарратив, переживший в дальнейшем, конечно, много трансформаций? Здесь я бы хотел отдельно остановиться на роли Рима, потому что мне кажется, что в историографии этот момент недостаточно осмыслен. Мне представляется, что римляне внесли гораздо больше (нежели обычно считается) в процесс складывания европейского историографического дискурса. Римляне сделали замечательную вещь: они синтезировали две традиции. Первая традиция анналистическая, которая была им присуща, но не была – насколько можно судить – присуща грекам, хотя этот вопрос дискуссионный, потому как многие источники дошли до нас во фрагментах или вообще не дошли. Тем не менее, даже при поверхностном анализе материала сразу бросается в глаза, что произведения римских анналистов до нас тоже не «дошли» (хотя сохранились отдельные фрагменты в текстах поздних произведений), однако сама анналистическая традиция в Риме однозначно фиксируется, в отличие от Греции. Другими словами, ни в Афинах, ни в других греческих полисах мы почти не видим этой традиции. Так называемые «Аттиды» и прочие «хроники», которые были посвящены истории отдельных полисов, на самом деле хрониками не были, а представляли собой тексты совершенно другого плана. И уже в I веке до н.э. Дионисий Галикарнасский, когда говорил о ранней греческой историографии, так называемых логографах, дал интересную ремарку, которая отсылает нас к Ближнему Востоку, к еще более ранней традиции: он говорил, что эти логографы записывали только те сведения, которые получали из разных источников (преданий, легенд,

сказок и т. п.), «ничего в них не меняя», то есть, ничего не добавляя и ничего не убавляя. Эта ветхозаветная (и месопотамская, к слову) традиция там постоянно встречается.

Но почему-то уже у тех же логографов – во всяком случае, у Гекатея Милетского – совершенно явно прослеживается тот факт, что они начинают видоизменять традицию. Они начинают не просто фиксировать, но и трансформировать имеющийся у них материал. Причем, нам не всегда понятны принципы этой трансформации ранних источников...

Для Геродота это уже более ясно. У Геродота определенно прослеживается своего рода методология. В свое время, в середине 1950-х годов историки, в том числе отечественный филолог-классик М.Л. Гаспаров, отметили, что в труде у Геродота, который, как считает большинство специалистов, остался незавершенным, заложена некая внутренняя структура, методологически представляющая собой «фронтон». Если разложить «Историю» Геродота на отдельные части (логосы), эта фронтонная структура очень четко прослеживается. Иными словами, центральное событие всегда помещается в центр композиции, а события, его обрамляющие, расставлены таким образом, чтобы выделять центральную позицию. Это только один из моментов. Можно говорить и об оригинальной концепции истории, которая у Геродота совершенно четко просматривается...

Таким образом, за очень короткий промежуток времени, измеряющийся от силы парой столетий, историография прошла огромный путь, от записей логографов, которые просто собирали то, что слышали или видели сами, до сознательной теоретико-методологической концепции, определяющей работу с историческим материалом. Причем эта концепция тоже довольно существенно меняется: если сравнить сочинения Геродота и Фукидида, то это две совершенно разные концепции, хотя они относятся почти к одному времени – V в. до н.э. (Фукидид, как известно, был младшим современником Геродота.) И это тоже очень интересно, каким образом почти одновременно рождаются два совершенно иных взгляда на то, чем занимается историк или ранний историописец, если говорить более осторожно.

Само греческое слово «ἱστορία», как известно, означает «расследование», «следствие». Это слово символически отмечает тот переход, который произошел с исторической прозой логографов, превратившейся в историческое исследование. И, кстати говоря, это слово «ἱστορία» еще ничего исторического не несло. Оно могло применяться и к другим сферам, не связанным с изучением прошлого. Например, у Аристотеля и других авторов были трактаты, которые

назывались «История животных», «История растений» и т.п. История в данном контексте, по сути, есть исследование какой-либо проблемы.

В.Н. Земцов: А можно ли трактовать это слово как рассказ о прошлом, что иногда делают?

М.В. Шистеров: Трудно сказать. Подобную трактовку можно, пожалуй, уловить у Геродота, но у него этот момент проявляется еще не в явном виде. Хотя сочинение Геродота и принято называть «Историей», соответственно, это своего рода рассказ о прошлом. Но опять же, интересный момент: у греков, в отсутствие развитой анналистической традиции, историческое сочинение изначально построено не столько хронологически, сколько пространственным образом. Другими словами, хронология здесь скорее относительная, чем абсолютная, и события могут перемещаться довольно произвольно в зависимости от логики рассказчика, от того, как автор с работает с текстом (в широком смысле слова) и на что он считает нужным в данный момент указать читателю (слушателю). Таким образом, автор довольно свободно эти события перемещает.

У Фукидида, конечно, четкая хронология уже присутствует...

В.Н. Земцов: Все-таки, в чем принципиальная разница между Геродотом и Фукидидом?

М.В. Шистеров: Здесь, как мне кажется, нужно выделить два момента. В недавних работах московского историка-антиковеда И.Е. Сурикова одно из главных отличий между двумя историками обозначено как «диалогический» и «монологический» подходы к описанию событий прошлого. Вероятно, тут есть некоторая натяжка, но тем не менее... В чем суть? Суть в том, что текст Геродота построен как разговор с читателем (скорее, как со слушателем), потому что он еще не для чтения, а для зачитания писался. На этих примерах, кстати, можно проследить эволюцию исторического нарратива. Сочинение Геродота – это текст, который во многом еще составлен на стыке устного и письменного. Текст Фукидида – это уже собственно письменный текст в современном понимании.

В.Н. Земцов: У хороших историков это и сейчас осталось: «Любезный читатель», – любили обращаться когда-то в повествовании. Кое-кто это делает и сейчас.

М.В. Шистеров: Тут дело не столько в обращении, а в том, как именно этот текст структурирован и как автор эти устные предания в свой текст инкорпорирует. Современные антиковеды подсчитывали, что текст Геродота на 80% состоит из материалов устного происхождения, то есть это устная история, по большому счету, а не письменная. Хотя там есть уже и ссылки на письменные свидетельства. История Фукидида совсем другая.

Если возвращаться к главному вопросу: в чем разность монологического и диалогического подходов? Труд Фукидида задает единую линию. Это текст, который очень четко структурирован и который ведет читателя по определенным, обозначенным автором моментам, где все лишнее отсекается изначально (на уровне авторской редакции или даже замысла, фабулы). И эта критическая работа. То, за что ценили Фукидида в XIX – XX вв. – это критика источника. Фукидид работает в этом плане почти как историк Нового времени – он критически отсекает все те версии и события, которые ему представляются недостоверными, и чаще всего он об этом даже не упоминает. Правда, во второй половине XX в. сначала на Западе и в меньшей степени в России, стали обращать внимание на то, как он это делает. Иногда у Фукидида «отбракованными» оказываются такие факты, которые являются принципиально важными для понимания тех или иных событий, которые он действительно не упоминает, и о которых мы бы не узнали, если бы имели только текст его «Истории». Однако из других источников мы узнаем о том, что были некие события, которые он проходит мимоходом или переставляет местами. Таким образом, происходит некая внутренняя работа автора, а читателю предлагается готовый ответ.

У Геродота технология работы совершенно иная. Он работает, предлагая читателю несколько версий одних и тех же событий, причем, зачастую не делая окончательного выбора между ними, или высказывает свою точку зрения, но при этом приводит альтернативные точки зрения и, таким образом, предлагает читателю самому выбрать наиболее правдоподобную версию. Иногда он предлагает версию, которую сам считает правильной, но в то же время приводит версию, с которой не согласен. Причем иногда оказывается, что та версия, с которой он не согласен, оказывается в действительности ближе к истине. Например, когда он пишет об истоках Нила, то приводится три-четыре версии того, почему река ежегодно разливается (в том числе и правильную версию – с которой Геродот спорит – относительно того, что это происходит из-за таянья снегов в горах Эфиопии)... Фукидид бы версию, с которой не согласен не привел, он бы ее просто отбросил.

В.Н. Земцов: Давайте, Максим Валерьевич, все-таки обратимся к главному вопросу, а именно: вы полагаете, что история как наука сформировалась в V веке до н.э.? Или это только зачатки того, что мы потом в эпоху модерна стали называть историей? Вы не случайно употребляли выражение «историописание»? Применительно к сегодняшнему дню мы тоже нередко говорим не «история», а именно «историописание». Не есть ли это стремление возвратиться к той

первоначальной данности эпохи V века до н.э., а может даже еще более раннего времени?

М.В. Шистеров: Мне кажется, что здесь я бы поостерегся говорить об исторической науке применительно к античности, потому что есть целый ряд моментов, которые, если мы действительно будем сравнивать это с наукой модерна, будут изначально выпадать из современной научной парадигмы. <...> Ведь, в сущности, древнегреческий историк, как было давно замечено, – это своего рода пророк. Да и сама эта традиция обращения с прошлым вырастает из эпоса, из Гомера... Если помните, в «Илиаде» все начинается с истории жреца Аполлона, о котором Гомер пишет, что он был мудрый человек, ему было известно все, «что минуло, что есть и что будет». Это типичный образ пророка, в будущем – историка, потому что историк – это тоже своего рода пророк, который пророчествует о прошлом. Еще один яркий пример – Эпименид Критский, который известен по целому ряду сюжетов, и везде он выступает как пророк наоборот – он выяснял причины событий, которые случились, выяснял, почему это произошло, но отнюдь не методами историка... Он пророчествовал путем углубления в прошлое, не через прочтение источников, а внутренним взором...

Кстати, сам факт того, что у истории есть своя муза, Клио, это тоже кое о чем говорит. Она впоследствии стала восприниматься как муза истории. Аристотель, к слову, неслучайно сравнивает историю с поэзией. Как известно, у него есть очень интересное рассуждение по этому поводу. И музы – это не просто символ. В мифологии это дочери Зевса и Мнемозины, то есть это дочери памяти. Историк в этом отношении уподобляется поэту. Это представление, конечно, было в известной степени изжито ко временам Фукидида, который воспринимал сущность того что делал уже иначе, но сама традиция ... Почему ее важно проследить? Потому что даже в более поздних сочинениях античных авторов мы видим очень слабую работу с источниками, непроработанность источниковедческой проблематики. Они этим не интересовались...

В.Н. Земцов: На примере 12-томника о Великой Отечественной войне мы тоже видим слабую проработку источников. Я думаю, что надо предоставить слово и остальным нашим коллегам. Пожалуйста, кто бы хотел что-то сказать применительно к этому гигантскому по времени, но оказывается, ничтожному по времени развития, происхождению того, что мы называли историописанием? Кто бы хотел к этому обратиться?

А.И. Прокофьев: У меня есть вопрос, связанный с проблемой памяти. Применительно к истории античности важно ли упоминать о памяти как таковой? Ведь что такое память в ту эпоху? Это память о

своих предках, память о цивилизации, которая была ранее тех времен, о которых еще помнили, либо о самом процессе существования человечества?

М.В. Шистеров: Если говорить о памяти как о явлении, то я считаю, что это вполне применимо. Более того, это применимо не только к античности. Вообще, изначально, история начиналась с памяти, а не память из истории. То есть важно само стремление зафиксировать какие-то события... те же самые генеалогии – это тоже стремление к фиксированию событий (связанных с именами предков, реальных или легендарных), или годовые записи, вплоть до записей по архонтам, на которые ориентировались, чтобы отчитать примерно, когда произошло то или иное событие... В данном случае как раз именно из памяти и выводится то, что мы называем историописанием или – позднее – исторической наукой. Хотя здесь есть некоторые расхождения, потому что историческая наука в более поздние времена бросает памяти вызов, очень сильно трансформируя этот процесс. Но для античности, как мне кажется, эти два понятия не очень различались. Скажем, римляне использовали для обозначения истории как рассказа о прошлом термин «*metoia*» – память.

В.Н. Земцов: Жалко, что мы не можем основательно обратиться к Древнему Востоку, потому что здесь явно есть целый ряд традиций... и китайская традиция. Даже в отношении известных нам, относительно известных, цивилизаций мы не можем сейчас профессионально говорить. Я, кстати, вчера с удивлением о том, что в России, оказывается, есть египтология, организуются экспедиции... И они ездят не только в Гизу, но и Мемфис копают, и нашли так называемую «Белую стену» древнего города. Это очень меня порадовало, потому что наша египтология, в принципе, не существовала, разве что за исключением эпохи В.С. Голенищева.

М.В. Шистеров: Был О.Д. Берлев, есть А.О. Большаков, его ученик. То есть все же у нас были и есть заметные специалисты-египтологи...

В.Н. Земцов: Все-таки нам разрешают этим заниматься... Почему я вспомнил? В эпоху Нового царства был один весьма крупный государственный деятель, к сожалению не принадлежавший к царствующей династии. Но он оставил после себя очень интересную гробницу, которая состоит из нескольких помещений, и каждое из этих помещений должно было символизировать... (через росписи стен и потолков) зафиксировать, сохранить память о том, что существовало раньше. То есть, начиная с первых династий, этот сановник зафиксировал и попытался донести до будущих поколений информацию о прошлом. Это меня в свое время поразило. Ощущение истории, стремление сохранить историческую память существовало,

вероятно, всегда. Вопрос только в том, какими средствами это можно было сохранить и передать.

М.В. Шистеров: Мне тоже так кажется... Даже у традиций бесписьменных, устных, уже есть это стремление к сохранению памяти. В частности, на примере Полинезии в свое время было показано, как разные племена, которые обитали на разных островах и не контактировали между собой, через определенное количество звеньев восходили к общим предкам, и это сохранялось в устной традиции. Даже на уровне устного предания это может сохраняться.

В.Н. Земцов: Когда нередко задаешься вопросом или пытаешься объяснить, зачем же история вообще нужна, то, в сущности, приходишь только к одному выводу: история нужна потому, что это естественное состояние человека. Если это (то есть ощущение связи с прошлым) для него не характерно, значит, человеческого в нем осталось не много...

М.В. Шистеров: Кстати говоря, вспомнил в связи с вашей последней фразой комментарий о том, что римляне так и проводили границу между варварством и цивилизацией. Они говорили, что у них есть память, а у варваров памяти нет. Понятно, что на самом деле и у варваров память была, но для них, для римлян, ее не существовало, так как сведения о прошлом не фиксировались при помощи исторического нарратива.

И.М. Клименко: Хочется сказать два слова по этому поводу. Память изначально, с первобытного периода, передается солидарным способом – от каждого к каждому. Передается как опыт. Передается как миф. Причем, я всегда утверждал, что миф это не выдумка, а способ существования человека. Можно сказать, что и у нас есть миф, но свой миф мы сдвинули в сторону науки, при этом признавая, что то, что мы знаем сегодня, вполне может подвергнуться сомнению завтра. <...> У Карла Ясперса в предисловии к «Смыслу и назначению истории» буквально в нескольких словах описано, что мы выполняем предназначение – делаем попытку понять истоки вещей, и, с одной стороны, мы познаем историю как память, а, с другой стороны, мы ее передаем через представление. Поэтому историк всегда считался в определенной мере и предсказателем, учитывая то, что в ту пору, когда история была дописьменной, она передавалась именно теми людьми, которые предсказывали будущее.

М.В. Шистеров: Не случайно в ранней греческой традиции находят признаки шаманизма. Тот же Эпименид и прочие были любопытными персонажами... наподобие сибирских шаманов. Иногда так и пишут... Но, правда, многие антиковеды с этим не соглашаются...

В.Н. Земцов: Тот же Ясперс с идеей осевого времени сам тоже выступает в качестве провидца, но провидца прошлого, потому что, по большому счету, никаких документальных оснований утверждать, что было осевое время, нет. Он утверждает об этом путем интуиции – и это было настолько убедительно, что все (или почти все) это приняли... Что ж, это старая проблема. Историк предсказывает не только будущее, иногда он предсказывает и прошлое. А чаще, по большому счету, мы этим и занимаемся.

Пожалуйста, кто бы еще хотел в рамках обсуждения этой ранней традиции внести свою лепту?

А.И. Прокофьев: Я благодарю вас за ваши ответы. Они были очень цельными и содержательными. Предложу небольшую ремарку относительно своих вопросов. Я склоняюсь к тому, что памяти как таковой в ее сегодняшнем понимании до периода Ренессанса не было вообще. Что было памятью? Нечто документированное, нечто освоенное, нечто осмысленное поколениями людей, живших с древности и до сегодняшних дней. Ввиду того, что историческая традиция прерывалась, была непостоянной, мы не можем говорить о существовании полноценной исторической памяти от античности до сегодняшних дней. Память как таковая в древности скорее играла, как мне кажется, функцию либо назидания, либо опыта. Сейчас объясню, почему. Если вспомнить «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, когда он описывал покорение Галлии и всех народов, которые там жили, он, по сути, оставлял назидание. Это не была память, это было замещение той культурной традиции, которая тогда существовала. И фактически он ставил задачу переписать историю, не воссоздать ее в том виде, в котором она была, а заменить ее с одной на другую.

Таким образом, опыт – это часть объективной памяти, а назидание – часть субъективной памяти. То есть это попытка оставить назидание следующим поколениям. И когда человечество постепенно двигалось далее, и создавалась прочная письменная традиция и, следовательно, происходило замещение устной традиции, память в таком варианте, в котором мы ее сегодня понимаем, и появилась.

М.В. Шистеров: Вы абсолютно правы, когда говорите о том, что задача переписать историю прослеживается и в греческой и в римской историографии. Хотя по поводу мотивов Юлия Цезаря можно было бы поспорить... Можно согласиться с тем, что такая традиция – переписывать историю заново – существовала. Другими словами, при обращении к одним и тем же сюжетам не происходило никакой аккумуляции прежнего опыта, а происходило каждый раз переосмысление «истины» и, зачастую, с очень «критичным» отбрасыванием всего, что было ранее. Это один из тех моментов,

который сильно повлиял на становление европейской исторической науки, когда появилась критика внутри цеха историков, и они начали друг друга с грязью мешать... Это момент очень важный.

По поводу памяти я понял Вашу концепцию, но я не понял, что вы подразумеваете под объективной передачей опыта. Как он «объективно» передается?

В.Н. Земцов: Единственно как культурная память.

А.И. Прокофьев: Опыт объективно передается... Копнем несколько глубже и представим общинный строй, человеческий коллектив, сообщество. Они живут, выполняют какую-то деятельность и, соответственно, чтобы одному представителю коллектива научиться у более опытного, нужно наблюдать и нужно видеть. Это и есть объективный опыт.

М.В. Шистеров: Что происходит, если этот процесс прерывается?

А.И. Прокофьев: Если процесс прерывается, тогда необходимо искать либо аналогичного представителя, имеющего такой же опыт, либо создавать новую традицию.

М.В. Шистеров: То есть здесь вы видите как раз прерываемую память?

А.И. Прокофьев: Да. А как только человек начинает прикладывать собственные силы для того, чтобы чему-то научиться... тебе показали, ты исполнил...

М.В. Шистеров: А если такой вариант: некий первобытный мастер что-то сделал, какой-то артефакт, потом он умер, не успев научить других, но артефакт нашли... Что с ним делается дальше? Помогает это в становлении следующей традиции?

А.И. Прокофьев: По сути, получается то, с чем мы сталкиваемся в ходе археологических раскопок. То есть мы находим артефакт, смотрим и пытаемся определить, где подобная вещь была нужна.

М.В. Шистеров: Мне кажется, что эти артефакты и есть некие связующие звенья, которые, конечно, могут пониматься и зачастую понимаются иначе, нежели то, как понимал их создатель, но которые связывают то, что было «до» с тем, что было «после».

Есть в семиотике понятия «означаемого» и «означающего», когда в рамках одного артефакта имеются две этих составляющих: то, что он изначально значил, и тот новый смысл, которым мы его нагружаем. Мне кажется, что этот процесс шел постоянно... Я тут поясню: мне близка позиция Я. Ассмана относительно трактовки того, что следует понимать под культурной памятью. Когда я говорю об этой традиции памяти, я во многом проговариваю его взгляд на эту ситуацию. Мне кажется, что он достаточно адекватно это воспроизвел.

В.Н. Земцов: Есть одна история, которая не дает мне покоя уже многие годы. Десять заповедей господних. По ним христианский мир живет или пытается жить уже тысячелетия. В начале XX в., когда нам стали известны основные особенности и этапы жизни древних шумеров, мы смогли проследить историю этих десять заповедей. Они через древних евреев, через Новый Вавилон, через Ассирию в конечном итоге пришли к нам... от шумеров. Этот факт мне в свое время показался абсолютно фантастическим. То есть об этой цивилизации, о шумерах, тысячелетия человечество практически ничего не знало, но продолжало жить по тем основополагающим заповедям, которые этот народ создал. И в этом случае мне кажется, что как бы мы скептически не относились к переписыванию истории, к отказу от опыта, это только часть реальности. В действительности же опыт человечества – един, он объединяет практически все народы и цивилизации, как бы мы в этом не сомневались. И, в сущности, если что-то и исчезает, то исчезает, на мой взгляд, не сущностное, не столь важное. Если оно исчезло, если оно не было востребовано, значит, так и должно было так случиться.

М.В. Шистеров: Мне кажется, что это, на самом деле, вопрос вечный – как дисконтинуитет и континуитет между Средневековьем и римской эпохой. Хотя тут все-таки континуитет просматривается. Или между вторым и первым тысячелетиями в греческом мире, то есть между крито-микенской и классической цивилизациями, где тоже при желании можно увидеть сохранение культурной памяти.

Н.Ф. Шестакова: Я бы хотела еще сказать по поводу существования исторической памяти в древности. Я считаю, что историческая память в древности существовала, и она была выражена в форме устной традиции – в виде эпоса, мифов и легенд. С появлением в древности письменности происходило понимание того, что люди не могут сохранить в человеческой памяти такой большой объем информации, и началось фиксирование этой памяти. Так же появились и места памяти, началось воздвижение стел. Историческая память проявляла себя и в форме праздников, обрядов, традиций. В это время начинается разработка различных методов запоминания, развивается мнемотехника. Вспомним Симонида. Существует легенда, которую зафиксировал в своем труде Цицерон. Он рассказывает о том, как однажды Симонид был приглашен на праздник, где должен был читать стихи. Двое людей попросили Симонида выйти, и в это время рухнуло здание, где находились гости. И когда нужно было опознавать трупы, Симонид смог определить, кто есть кто благодаря образам и тому порядку, в котором гости сидели. Таким образом, появился первый метод запоминания – через образы, распложенные в определенном порядке.

М.В. Шистеров: На самом деле действительно есть много такого рода вещей. Можно вспомнить, какое колоссальное значение играло имя для сохранения памяти.

Н.Ф. Шестакова: Есть некоторые африканские племена, где даются вторые имена, являющиеся именами предков.

М.В. Шистеров: Это, в сущности, вопрос идентификации. Если человек без памяти, вне памяти, то это человек, который не может себя ни с чем идентифицировать. Поэтому вопрос памяти – это вопрос, по-моему, антропологический, как и феномен культурная память. В данном случае она развивается в связи с тем, что общество развивается, то есть появляются политические структуры, которые начинают этот момент эксплуатировать в своих целях. Отсюда стремление к мегаломании – склонности к колоссальным сооружениям. Это, безусловно, симптом политической интеграция. Те же самые египетские пирамиды (и прочее) возникают не случайно в Древнем царстве. Возникла необходимость в сплочении определенного региона вокруг каких-то символов, которые играют роль знака.

Кстати говоря, вспомнился маленький анекдот по поводу того, что некоторые вещи остаются всегда. Моисей на Синае общается с Богом, заканчивается все громом и молниями. Он спускается к своему племени и говорит: «Иудеи, новости как всегда две: хорошая и плохая. Хорошая – удалось «сбить» до десяти... Плохая – прелюбодеяние осталось». Это к слову о том, что есть культурные моменты, которые транслируются, даже несмотря на прерывистость.

В.Н. Земцов: Вообще же, христианство, иудаизм и ислам между собой не столь уж и разнятся, как иногда кажется сегодня малообразованным людям. Мы все из одного корня. У нас, к сожалению, на круглом столе сегодня нет ни одного востоковеда.

Ну что, друзья мои, давайте переходить к следующему тезису.

А.И. Голотина: Я бы хотела еще добавить, что память в это время начала делиться, ее не было единой. Так, например, многие римские анналисты были политиками, сенаторами, и они писали свою историю на основании своих фамильных записей, на основании истории своего рода. Например, Валерия Анциата часто критиковали за то, что он излишне возвеличивал роль рода Валериев в римской истории. Каждый сенатор, каждый политический деятель мог написать свою историю и в общую память протолкнуть свою идею, более личную. И говорить, что она была общей все-таки не стоит. Надо смотреть, кем был историк.

М.В. Шистеров: Это еще и к слову о том, что историк должен быть богатым человеком.

А.И. Голотина: Чаше всего они такими и были.

В.Н. Земцов: Были, но не сейчас. Как все переменялось!

А.И. Голотина: И если говорить, для кого писалась эта история и в каком контексте... например, История Тита Ливия писалась во времена Октавиана Августа, когда проводилась политика возвращения к нравственным ценностям старой эпохи и естественно, у Ливия эта политика хорошо прослеживается – разнообразные примеры, показывающие, как надо жить и о том, как жили раньше.

Н.Ф. Шестакова: И вообще, стоит упомянуть об отношении к прошлому и настоящему в то время. Ж. Ле Гофф отмечает, что люди в древности воспринимали прошлое как Золотой век, расцвет, и наоборот – время, близкое к настоящему воспринималось как период упадка. Поэтому они постоянно делали отсылки к прошлому, и поэтому в произведениях древнегреческих историков реальное прошлое всегда смешивалось с вымыслом. Прошлое постоянно превозносилось.

В.Н. Земцов: За исключением только «Краткого курса истории ВКП(б)» и нынешней ситуации, человечество всегда считало, что *тогда* было лучше... Назад в прошлое, к Геродоту! Хотя, конечно, это иллюзия. <...> Мы хорошо подметили один момент применительно к тому, как изменилась практика историописания – это значительная демократизация историописания, что стало происходить, наверное, на рубеже XIX и XX вв. Потому что в XIX в. тот историк, который был близок к власти... вспомните А.С. Пушкина, которому разрешили работать в архивах? Он был официальным историографом, как и Н.М. Карамзин. И что потом произошло? Где-то на рубеже XIX и XX вв. произошли значительные перемены в социальном плане. А потом еще хуже пошло... Институт красной профессуры и т.д. начал делать новых историков. А прежняя когорта либо подстроилась, как Е.В. Тарле, либо исчезла, как С.Ф. Платонов. И связь времен все-таки, как мне кажется, здесь прервалась...

А.А. Долженков: Не очень. Если судить о том, кто сейчас остается ведущим... историком.

В.Н. Земцов: С.Е. Нарышкин, В.Р. Мединский...

А. Долженков: В конечном итоге, преемственность есть...

М.В. Шистеров: Как надо решать эту проблему, объяснили древние китайцы. Характерна история, приключившаяся с Бань Гу, историком эпохи Хань. Он начал писать историческое сочинение, не будучи официально уполномочен на это, и когда дело дошло до верхов, когда узнали, что он что-то пишет, очень остро встал вопрос о будущем историка. Эта ситуация грозило ему реальной смертью. Только благодаря заступничеству брата и тому, что в тексте его истории, когда посмотрели не нашли крамолы, разрешили ему писать дальше, назначив придворным историографом. Потому что в Китае

самому по себе нельзя писать историю, но только получив на это официальные полномочия.

А.А. Долженков: Вопрос встает о том, ради кого писать?

В.Н. Земцов: В какой-то степени вы правы, у нас такая практика тоже во многом сохранилась. Потому что наши российские архивы (я не говорю об архивах восточных стран), там многое в лучших традициях древности – наши архивы наполовину европеизированы, а наполовину остались восточными. *Quod licet Iovi...*

Давайте все-таки перейдем к новому, более всееляющему оптимизму времени – Новому времени. Мы понимаем, конечно, что это, наверное, иллюзия – этот оптимизм. И, тем не менее, многие из нас, а может быть, в душе и каждый из нас, за это время держится. Почему? Потому что история здесь получает статус науки, она начинает претендовать на возможность генерировать точные знания. И если это так (а это, кстати говоря, старая традиция, которая оказалась неразорванной), то история в этом случае может предсказывать будущее. Интересная вещь: фактически, это то же самое, что было в древности, но только, дескать, теперь предсказание осуществляется на «научной основе». И здесь мы обратились к междисциплинарному синтезу. Там, в древности, в средневековье, было наоборот – история из общей сферы гуманитарных знаний не выделялась. Хотя мы говорим о Геродоте и Фукидиде, но, в сущности, они себя историками не считали.

В.Н. Шистеров: Скажем так: все-таки попытки вычленения истории из некоего общего знания все-таки были. И потом, мы знаем, что целый ряд жанров вполне сформировался, та же драма: трагедия и комедия. История тоже осталась, но, что интересно, Геродот обозначал это как «ἱστορία», а Фукидид этот термин не использовал, он свое сочинение называл совершенно по-другому, в противовес «отцу истории», отказавшись даже от того термина, который Геродот пытался ввести. А римляне называли такие сочинения «*metoigia*», и так далее.

То есть тут была попытка вычленить историю, но эта попытка не была в полной мере завершена.

В.Н. Земцов: Помню, в юности читал замечательную книгу А.Я. Гуревича о рождении историзма, из которой четко следовало, что история в современном смысле этого слова, как наука, как критическое восприятие прошлого, родилась в конце эпохи Средневековья. И эта позиция, на мой взгляд, преобладала в течение длительного времени в нашей исторической науке, а именно, убеждение в том, что такой переход состоялся на рубеже Средневековья и Нового времени. Сейчас эта эпоха называется Ранним новым временем. Пожалуйста, кто бы об

этих сладостных временах хотел начать разговор? А, в сущности, эпоха модерна не закончилась, она продолжается. Может быть, это та последняя соломинка, за которую нам надо держаться? Потому что если мы окончательно скажем, что история это не наука, то кому мы будем нужны? Кому будут нужны эти легионы историков, которые формировались с советского времени? Если спросят, чем мы занимаемся, и если мы не можем предсказать будущее и утвердиться в настоящем, зачем вообще нужно наше существование?

А.А. Постникова: Если мы обратимся к эпохи Возрождения, то, с одной стороны, мы можем увидеть, что происходят значительные изменения в плане развития исторической науки, особенно, в сфере труда историка. Отчасти история освобождается от государственного влияния по сравнению с эпохой Средневековья, появляется такое понятие, как «исторический факт», появляются даже заявления о том, чтобы историк оставил все свои эмоции и симпатии и описывает только исторические факты. Должен был «исчезнуть» автор, о чем в дальнейшем будут заявлять постмодернисты. Но в то же время история продолжает, как и в эпоху античности, описывать некие героические моменты и, в основном, использоваться в плане назидательности, выполнять функции морального воспитания. Отсутствует стремление набрать как можно больше источников и подтвердить некие выводы на основе огромной источниковой базы. Чуть позже, в середине XVII в., появляется эрудитская школа, антиквары, цель которых, в основном, состояла в сохранении источников. Они искали и переписывали средневековые хроники, они их сохраняли, но они их не осмысливали в плане критического восприятия.

В.Н. Земцов: Это те люди, которых сегодня Эдуард Анатольевич Черноухов называет «краеведами».

А.А. Постникова: Да, и этот образ антиквара хорошо описал Вальтер Скотт. И мне кажется, что историзм и эпоха модерна начинаются с позитивизма. Когда у нас появляется позитивизм, появляется стремление критически подходить к анализу источника, стремление расширить источниковедческую базу? Ведь подобные устремления мы не находим даже в романтической историографии начала XIX в. В данном случае я делаю выводы на основе французской историографии... И даже Ф. Гизо не стремился установить историческую истину. Это появляется как раз во второй половине XIX в., в самом конце века.

Месяца два назад я еще продолжала считать, что модерн зарождается в эпоху Возрождения, пока не столкнулась с книгой одного английского историка, Тома Амстронга, который является

специалистом по эпохе модерна. Он убедительно доказывает, что эпоха модерна начинается в 1900 г.

В.Н. Земцов: Это приятно, когда можно зацепиться за конкретную дату.

А.А. Постникова: Тогда уже повсеместно в Европе сформировался позитивизм. По мнению этого историка, эпоха модерна в историописании завершается Второй мировой войной. Другими словами, он предлагает четкую периодизацию эпохи модерна.

В.Н. Земцов: А книжка Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньбоса когда вышла?

Т.Г. Шумкина: В конце XIX в., в 1898 г.

В.Н. Земцов: В 1898 году? Можно привязать и к 1900 г.

Н.Ф. Шестакова: Ж. Ле Гофф, например, начинает модерн с 1904 г. и связывает его с кризисом католицизма, с началом движения за его обновление.

В.Н. Земцов: Это как отнести к Первой русской революции и русско-японской войне... Ну что ж, это все очень условно.

М.В. Шистеров: Если все это пытаться проследить... Честно говоря, я здесь не чувствую за собой достаточной подготовки и не знаю, есть ли у нас тот, кто мог бы просмотреть... То, с чего начала Алёна Александровна... Она говорила о проблеме авторства. Это тоже интересная проблема. Античные источники авторизированы, затем в Средневековье автора не было, и потом автор снова появляется.

А.А. Постникова: В Средние века в жанре деяний был автор. Скрытый, но он все равно проявлялся в некоторых источниках.

Н.Ф. Шестакова: Создаются истории того же Джеффри Монмутского.

А.А. Постникова: Да, и барды...

М.В. Шистеров: То есть, это реальные авторы? Или это...

В.Н. Земцов: В Средние века авторы были. Хотя многие сознательно нивелировали свое присутствие в тексте, свое авторство. И было наоборот. Мы же до сих пор пытаемся все логизировать и все четко обозначить, хотя это не получается ни в отношении древности, ни в отношении Средних веков, ни в отношении сегодняшнего дня.

А.А. Долженков: Нормальный европейский современный автор появляется в эпоху Возрождения.

М.В. Шистеров: Но это, опять же, под воздействием процессов, происходивших в Возрождение?

А. Долженков: Но именно новый европейский автор не имеет ничего общего с античным и средневековым авторами. То есть если в Средневековье...

В.Н. Земцов: Все-таки что-то имеет...

А.А. Долженков: ...некий новый автор, который осознает свой творческий вклад в произведение, а не является переписчиком, не является транслятором текста... Для Средневековья, для Скандинавии, которой я занимаюсь, это, прежде всего, трансляция текста. И авторство зависит от того, кто транслирует текст.

М.В. Шистеров: Мне еще интересно то, как разные античные тексты получали преобладающее влияние в те или иные эпохи. То есть, в свое время сначала ведущими были римские историки – Ливий, Тацит... Их произведения были образцовыми. Потом начинают появляться греческие классики – Геродот, Фукидид, это несколько позже.

А.А. Постникова: Здесь проблема другая. В Средние века утратили именно греческую традицию.

М.В. Шистеров: Здесь, мне кажется, дело не только в отсутствии текста. Конечно, тексты отсутствовали или были малоизвестны, но существовали их латинские переводы. И тут проблема, мне кажется, глубже. Она в самом восприятии того, что такое история и кто такой историк, чем он должен заниматься. Дело в том, что эти тексты во многом различаются, они на другое ориентированы.

А.А. Постникова: Медиевисты много лет занимаются этой проблемой, и существует серьезное исследование на тему возрождения античной традиции в эпоху Каролингов. Наш отечественный историк А.И. Сидоров много лет положил на то, чтобы исследовать пометки на книгах, хранящихся в Сен-Дени, пометки, оставленные на римских текстах. То есть это очень непростой вопрос: что интересовало человека Средневековья, и сейчас сходу ответить на этот вопрос вряд ли удастся.

В.Н. Земцов: Да, вообще-то сегодня здесь собрались дилетанты, которые пытаются от древности до настоящего времени все разъяснить... Но, по крайней мере, мы это делаем, ставим вопросы и пытаемся найти ответы, обмениваемся опытом.

У нас сегодня стала происходить удивительная вещь: оказывается, наибольшие вопросы и неясности вызывает даже не Античность, а то, что относится к эпохе Нового времени. И здесь мы оказываемся в какой-то растерянности, потому что разнообразных и противоречащих друг другу примеров мы здесь можем набрать много. Реальность оказывается очень запутанной, сложной. И все-таки, пожалуйста, кто бы хотел по этому поводу сказать? В отношении XVI – начала XX вв.? Что тогда происходило?

Н.Ф. Шестакова: Я думаю, тут следует начать с революции в книгопечатании, с изобретения печатного станка...

А.А. Долженков: Печатное дело привело к массовому появлению книг и, соответственно, исторические труды перестают быть, как, например, в Античности и в Средние века, передаваемыми устно и начинается появление автора.

В.Н. Земцов: Помните «Имя розы» Умберто Эко? Это сокрытое знание, знание не для всех.

А.А. Долженков: Это чисто экономическая проблема, когда, с одной стороны, снизились затраты на копирование с появлением книгопечатания, а, с другой стороны, возникла проблема ограничения доступа к информации. И, на мой взгляд, во многом книгопечатанье применительно к исторической науке сводится, и наш язык является тому подтверждением, к тому, чтобы ограничить доступ. Неподготовленный человек исторические работы читать не может.

В.Н. Земцов: Может, это заставило тех, кто обращен к историческому труду, более критически относиться к источнику и более убедительно излагать свою версию прошлого. Общая ситуация заставила историков преобразиться.

А.А. Долженков: Если для раннего средневековья у нас одна страна и десять авторов, и это еще много, если их десять, то в новое время ситуация меняется. Помимо массового читателя появляется массовый автор.

М.В. Шистеров: Но, с другой стороны, десакрализация этого знания и более широкий...

А.А. Долженков: Да, но тут всё, безусловно, зависит от региона. Для Скандинавии эпоха модерна начинается только с XIX в. Во всяком случае, для Норвегии и тем более для Исландии.

В.Н. Земцов: Для России, наверное, с XVIII в. или чуть пораньше. Меня поразило выступление А.М. Сафроновой, очень известного специалиста, много лет работавшей с библиотекой В.Н. Татищева и, в целом, по уральским книгам XVIII в. Она рассказывала о том, какие первые книги по истории попали к нам на Урал вместе с В.Н. Татищевым и В.И. Генниным. Прежде всего, это книги немецких авторов, в которых, разумеется, речь шла об Античности. А до этого русский человек на рубеже XVII и XVIII вв. имел совершенно мифологическое представление о мировой и своей собственной истории. И когда вспоминаешь Г.Ф. Миллера и Г.З. Байера, уже состоявшихся исследователей, которых к нам пригласили, и нашего М.В. Ломоносова, который ориентировался больше на эмоции и вступил с ними в полемику, и называл их фальсификаторами истории, начинаешь осознавать, что наша историческая наука задержалась по сравнению с западноевропейской на несколько столетий. И мы только в XVIII в. начали по складам открывать для себя этот мир. Сейчас я читаю замечательную книгу Аркадия Ипполитова о Ломбардии и о

том, как русский начал познавать Италию. Реально это стало происходить только с середины XIX в. До этого времени о существовании этой страны мы имели самые смутные представления. И даже башни московского кремля... Любопытная вещь: когда приезжаешь в Италию и видишь эти «ласточкины хвосты» на стенах итальянских крепостей, то думаешь: как это похоже на наш Кремль! Ипполитов же, хорошо знающий Италию и итальянцев, говорит о том, что у итальянца, приезжающего к нам в Москву, такой ассоциации с родной ему Италией не возникает. <...> И в историописании мы страшно отстали. Хотя, может мы уже многое нагнали в XX в.

М.В. Шистеров: По крайней мере, в начале XX в. наши филологи-классики, античники, это отставание, как мне кажется, хорошо чувствовали, потому и «ехали за наукой» в Германию, так как там можно было получить нормальное классическое образование.

В.Н. Земцов: И в чемоданах обратно «его» в Россию привозить. Если бы Татищев в свое время не оказался в Европе, кем бы он вообще стал? Это вопрос, который и сегодня перед нами стоит. Я вспоминаю американскую выставку о Второй мировой войне, которую запретили проводить в нашем городе и многое другое. Полагаются отрезать нас. Но тогда о чем вообще говорить?

А.А. Долженков: А у нас будут своя история.

М.В. Шистеров: Кстати говоря, лучшие советские представители классической филологии (и антиковедения) тоже формировались воспринимая то, что приходило с Запада. Тот же структурализм, потом постструктурализм...

В.Н. Земцов: Я представляю, как приходилось работать М.Л. Гаспарову или М.А. Баргу, или А.Я. Гуревичу, которые занимались всем этим. Они должны были постоянно находиться «там», быть в курсе того, что «там» происходит. И это настоящий подвиг. Я считаю, что те люди, которые занимались зарубежной историей в советское время, причем, занимались честно, порядочно и последовательно, и знакомили нас с тем, что происходит в науке Запада, совершали настоящий подвиг. Тот, кто тогда не жил, даже не представляет, насколько тогда тяжело было «туда» съездить и хоть какую-то информацию получить.

А.И. Прокофьев: Хочу поделиться размышлениями о том, что отставание нашей исторической науки от исторической науки европейской было не таким уж и огромным. Если брать конец XVII в., время перед петровскими преобразованиями, то тогда уже был хороший культурный и научный задел. Дело в том, что соседом на Западе были поляки и венгры. Они были культурными транзитами.

В.Н. Земцов: В советское время, скажу вам, было точно так же.

А.И. Прокофьев: Но как раз через польских книжников и венгерских протестантских теологов шла наука в Россию. Причем, задерживаясь лет на 50-70 в развитии (к примеру, я сравнил хроники [...] и «Киевский синопсис» Иннокентия Гизеля, разница между которыми составляет чуть больше ста лет), но сама форма и стиль описания были практически идентичными. Что [...] начинает свою хронику польских земель от сотворения мира и от появления Адама и Евы и изгнания людей из рая. То же самое начинается и у Гизеля. Он начинает с такой же религиозной постановки вопроса о происхождении своего государства. Далее туда подключаются мифы и легенды, например, легенда о призвании первых польских князей на владение Польшей и призвание варягов на Русь.

В.Н. Земцов: Мы не далеко ушли. Мы же начинаем с Рюрика, начинаем с мифа, причем включаем этот миф в якобы совершенно доказанные пласты исторического знания.

А.А. Долженков: ... чтобы доказать это. У нас, помнится, в Институте всеобщей истории есть сектор проблем Восточной Европы в Древности и в Средние века, который занимается поисками Рюрика.

М.В. Шистеров: Какой-то Рёрик Ютландский там все-таки был...

А.А. Долженков: Да, Рёрик Ютландский. Что-то там нашли, что-то не нашли...

М.В. Шистеров: Я помню, Игорь Николаевич Данилевский, о котором тут уже упоминали, как-то по этому поводу иронизировал, что в Голландии историю тоже начинают с Рюрика, но другого...

А.А. Постникова: Ну да, у всех должен был быть прародитель... Хлодвиг тот же самый.

В.Н. Земцов: У каждого свой Рюрик. Ромул и Рем должны тоже быть обязательно.

А.А. Долженков: Это общий ряд. Причем, Екатерина Александровна Мельникова лет 15-20 назад писала, что это общий мотив...

А. И. Прокофьев: Это такая общая стилистика.

А. Долженков: И сказать, что есть какие-то проникновения, какая-то [...], крайне сложно.

В.Н. Земцов: Все-таки, друзья мои, хотелось бы услышать больше оптимистического, чего-то позитивного применительно к этой scientистской науке истории XVIII-XIX вв. Все-таки благодаря источнику сделано было много.

Л.В. Коробицына: Вы уже упоминали сегодня о некоей массовости распространения исторических трудов, и в этом отношении очень интересна британская традиция. Связано это с именами таких крупных британских историков, как Э. Гиббон и Т.Б.

Маколей. Как известно, они придавали очень большое значение стилю изложения и литературной наполненности своих работ. И их позиция в этом отношении очень интересна. Они полагали, что целью написания их трудов является создание некоего поучительного текста, который будет интересен широкой публике, который будет легко читаем и будет литературно интересен, литературно органичен. И более того, когда возникал вопрос о том, что такое история, они отвечали очень просто: «Это некая смесь поэзии и философии». И очень интересно, как они это понимали. Возьмем для примера, как к этому относился Маколей. В своих работах он размышлял о поисках золотой середины между разумом и литературным воображаемым и он пытался соединить массовое распространение, популярность своих работ с их научной наполненностью.

В.Н. Земцов: Очень хорошо. У многих автоматически возник вопрос: если для XVIII-XIX вв., и даже для начала XX в. все понятно, то кто будет читать книги потом, в XXI в., тем более толстые и написанные историком? Здесь на первый план выходит кинематограф, аниме, еще что-то, связанное с иным восприятием информации. Должен ли историк аниме теперь рисовать? И если он не будет кинематографистом, как, скажем, Андрей Владимирович Головнев, если историк не будет причастен к массмедиа, то книжки он будет писать только для себя? Иногда так приятно и интересно бывает открыть *свою* книжку и читать... Но кто еще будет читать? Рецензент? Рецензенты тоже часто не читают. Оппоненты тем более. Поэтому у меня этот вопрос возник.

А.А. Долженков: В эпоху модерна появляется массовая книга. Это совпадает и с возникновением национальных государств. То есть в эпоху модерна формируются национальные государства. Возьмем мой любимый Скандинавский регион. В 1814 г. Норвегия выходит из Датско-норвежской унии и получает частичную независимость, хотя теперь есть уния со Швецией. И появляется отец современной норвежской историографии – Андреас Мунк, дядя того самого художника. И он пишет достаточно тяжело, причем сплошь по-норвежски. То есть возникает проблема: откуда и зачем историк берется? Он пишет свои труды в 20 – 30-е гг. XIX в., прежде всего, «Историю Норвегии в Средние века». Зачем? Затем, что Норвегия обретает независимость, и необходимо написать новую историю, которая будет освобождена от датского влияния, от того, что писали датские историки о своей заморской провинции. Та же самая ситуация возникает в Исландии в послевоенный период 50-х гг., но ситуация там была иной. Великой историей Исландия не блистала, поэтому исландцы (прежде всего, Сигурд Нордаль, исландский филолог) говорят о том, что саги не являются историческим источником, и это

только литература. Все континентальные исследователи этот тезис не признают, потому что исландская школа так и не назвала ни одного достоверного автора. Нет доказательств, что такая-то сага принадлежит перу того или иного исландца, начиная с XVII в. Стоит вопрос авторства «Круга земного» и других произведений. То есть в зависимости от того, какие цели ставит заказчик, а более щедро заказчика для историка, чем государство, придумать нельзя, историки и действуют.

В.Н. Земцов: В этом есть и положительный момент – куда бы мы делись и были бы мы вообще, если бы государству мы были не нужны?

А.А. Долженков: С другой стороны, то что говорят об Англии... Там ситуация была иная. Английские историки как раз боролись за читателя. Именно поэтому и сложилась английская историографическая традиция, в которой историки пишут нормальным языком, а не наша немецкая традиция, которая была воспитана в классических университетах с целью оградить священное знание для немногих.

Л.В. Коробицына: Да, я думаю, что некоторым британским историкам удалось сочетать в себе и научный подход и любовь к широкой публике.

А.А. Постникова: Писателям это в большей степени удалось. Но возникает вопрос о том, когда возникает понятие объективности исторического исследования? Если мы говорим про конец XVIII – начало XIX в., то здесь любой историк преследовал определенные цели. В эпоху Просвещения все стремились к тому, чтобы восхвалить свой период жизни: Новое время – это цивилизация, а все, что было до эпохи Возрождения – это «темные века». Все исследования как раз и сводились к тому, чтобы показать «исторический прогресс». Правда, в связи с этим и появляется иное восприятие истории как постоянно развивающегося процесса. И в дальнейшем этот термин – «исторический прогресс» – появится применительно к «историзму» в трудах позитивистов. Когда мы говорим про начало XIX в., то здесь, как правильно сказали, национальные государства начинают создавать свою национальную героическую историю. Здесь же подключаются писатели. Мне кажется, что в начале XIX в. в большей степени, массово, стали читать работы писателей, а не историков. Хотя, конечно, узнать, как читали историка в те или иные эпохи, трудно. Мы знаем, что тот или иной труд вышел тогда-то, но насколько он был читаем? Отчасти ответить на этот вопрос применительно к XIX в. может периодическая печать, где публиковались краткие аннотации книг. Поэтому надо смотреть, как часто упоминается труд историка и труд писателя в печати. По Франции я могу сказать, что упоминались в

большей степени именно писатели. Даже в отношении Наполеоновской эпохи у французов больше упоминался Вальтер Скотт, чем авторы собственно исторических исследований.

В.Н. Земцов: У нас это Н.М. Карамзин или А.С. Пушкин.

А.А. Постникова: Да. Но уже с эпохи позитивизма, конечно, писатели отделяются от историков и уже не влияют на собственно исторические представления. Появляется историческая наука, которая претендует на объективность. Когда я открыла труд И. Тэна «Происхождение современной Франции», я была удивлена огромному количеству архивных источников и материалов, которые он использовал. Он поставил те проблемы относительно начала Великой французской революции, в отношении причин краха Старого порядка, которые стали поднимать только намного позже ревизионисты в конце XX века. То есть на протяжении целого столетия к Тэну никто не обращался, и все продолжали утверждать, что Франция была феодальной, абсолютистской и т.д. А Тэн как раз есть эти мифы пытался развеять. И мне кажется, что в плане формирования эпохи модерна очень важно учитывать такое понятие, как объективность архивных источников.

В.Н. Земцов: Совершенно правильно. И я вспомнил «Историю Консульства и Империи» Адольфа Тьера. Это вещь известная. Но когда я ее взял и начал смотреть, я увидел, что там нет ни одной ссылки. Сразу задался вопросом, на основе чего это написано и начал проверять по источникам? Оказалось, что Тьер очень хорошо знал французские архивные материалы и очень точно излагал суть содержащейся в них информации. Но он видимо не считал нужным на них ссылаться, так как это не было принято – неудобно читать, когда много ссылок. У К. Чапека есть интересный рассказ про одного историка, который пытался узнать о каком-то малозначительном событии. И он очень подробно узнал детали этого события, смог его реконструировать благодаря одному господину. Но в конечном итоге, когда вышла книга этого историка, он отправил в качестве благодарности экземпляр тому господину, который предоставил информацию и помог разгадать загадку. И этот господин начал судорожно искать, где в книге говорится об этом сюжете. А в книге где-то в ссылочке было маленькое упоминание, что есть, мол, и такая вот версия. Наверное, это то, что отличает историка, потому что мы, открывая книгу, сразу научно-справочный аппарат смотрим: насколько текст фундированный и т.д. А в XVIII в, видимо, не всегда было удобно ссылаться. И такая традиция просуществовала долго. Хотя у нас уже у С.М. Соловьева справочный аппарат был очень хороший. У В.О. Ключевского похуже <...>

Может, перейдем все-таки к постмодерну? Самому смешному...

Т.Г. Шумкина: Я бы хотела еще добавить. Возможно, я где-то повторюсь, но я постараюсь применительно к XVII-XIX вв. акцентировать внимание на том, что, на мой взгляд, было сделано, и что имеет актуальность и для современности. Во-первых, если углубиться в эпоху Возрождения, то уже тогда началась работа по собиранию различных исторических документов. И это не только письменные, но и различные артефакты, это эрудитская школа Флавио Биондо. И это продолжение затухшей в Средние века критики источников. Самый яркий пример – это труд Лоренцо Валла «О Константиновом дар», который применительно к эпохе Возрождения являл образец критики. И в дальнейшем эта эрудитская традиция продолжит свое развитие в XVII-XVIII вв. И надо сказать, что эрудиты, антиквары, коллекционеры сыграли важную роль и для развития университетского образования в Европе, и для создания первых музеев, для которых их коллекции становились основой. В XVII в. произошла научная революция, и не только в физике, что, конечно, меняло картину мира. Здесь мне хотелось бы акцентировать внимание на эмпиризме и рационализме. Это Фрэнсис Бэкон и чувственный опыт как метод познания, и Рене Декарт и его «Рассуждение о методе». Если внимательно посмотреть этот трактат, то правила, им предложенные, предвосхитили во многом и позитивистские идеи XIX в. в отношении того, как надо работать исследователю.

М.В. Шистеров: Не случайно критическая мысль названа картезианской.

Т.Г. Шумкина: Да, он был основоположником рационализма. Затем о XVIII в. уже говорили, что это век Просвещения, что тогда появилась философская история и начался поиск универсалий, которые, как полагали, позволяли объяснить развитие человека и общества. Складывалось представление о предмете истории, о том, как развивается мировой исторический процесс, складываются понятия Античности, Средневековья и Нового времени... И, как отмечала Алена Александровна, возникает идея общественно-исторического прогресса. В XIX в. она получит свое развитие, в XX в. ее будут критиковать, особенно после Первой мировой войны, когда прогресс для человека откроется не только с позитивной стороны. Но это такие идеи, которые все время находятся в центре внимания гуманитариев. И конец XVIII – начало XIX вв. – это рождение историзма, основополагающего принципа научного знания и для современности. Некоторые исследователи считают, что появление и развитие историзма – это духовная революция, важность которой можно

сравнить с книгопечатанием, которая сыграла важную роль в развитии общества и науки. Как раз в то время формируется представление о линейно-поступательном развитии общества.

XIX в. – это позитивизм. На мой взгляд, к позитивизму можно по-разному относиться, он уже пережил несколько этапов в своем развитии. Подвергается критике и неопозитивизм. Но самое важное, что позитивизм дал – это метод работы с источником. Критика источника, которую мы используем сегодня, по своей сути та же, что была разработана позитивистами в XIX в. Основы этой критики, внешняя и внутренняя критика, а затем синтез наблюдений, сделанных на этих условно разделяемых этапах, и понимание того, что источник есть основа исторического познания, – все это относится к методологии позитивизма XIX в. Вспомним слова упоминавшихся здесь Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, которые в своем труде говорили о том, что история пишется по документам, и если нет документов, то нет и истории. Источники и методы их анализа – это одна из основных составляющих и современного социально-гуманитарного знания.

М.В. Шистеров: Слово «документ» приобрело более широкий смысл.

Т.Г. Шумкина: Да, можно вкладывать разный смысл, как и в понятие «текст». Разные синонимы употреблялись.

М.В. Шистеров: Мне кажется, Татьяна Геннадьевна представила ценное сообщение, тем более что из того, что она сказала, видно отличие того, что мы называем исторической наукой Нового времени, от того типа историописания, который был знаком Античности. Там почти ничего из названного Татьяной Геннадьевной не было. Не было (в развитой форме) линейного представления о прогрессе, а потому не было и накопления исторических знаний, не было самой идеи о том, что мы – карлики на плечах гигантов. Для античного историка не было никаких гигантов. Взять Полибия. Он упоминает разово Геродота и Фукидида, причем абсолютно индифферентно. Для него, что были они, что не были. А если он кого-то и упоминает из своих предшественников, то только для того, чтобы раскритиковать за то, что ничего ценного тот не написал.

В.Н. Земцов: Да, мы все вышли как историки из XVIII в., и все-таки вопросов тут возникает множество.

М.В. Шистеров: Да, и еще у меня один вопрос к Татьяне Геннадьевне. Вы сказали об историзме, и в этой связи у меня вопрос. Вы сказали, что это продолжает сохраняться и сейчас. Не могли бы Вы прояснить этот момент? Вам представляется, что в настоящее время этот принцип сохраняется в современной исторической науке или принцип историзма как-то переосмысливается?

В.Н. Земцов: И в чем он заключался тогда и заключается сейчас?

М.В. Шистеров: Проясните этот момент. Потому что у меня (я свою точку зрения могу озвучить) складывается такое мнение, что принцип историзма начинает растворяться в историческом знании. Вам кажется, что он все-таки сохраняется?

Т.Г. Шумкина: На мой взгляд, понимание самого этого принципа, то есть наполнение его содержанием, менялось на протяжении XIX-XX вв. И, конечно, в свете постмодернизма пересматриваются многие основания исторической науки, в том числе и историзм. Но, на мой взгляд, что остается – это то, что историзм позволяет рассматривать развитие событий, явлений и процессов во времени и пространстве, и во взаимосвязи с тем контекстом, в котором эти явления и события происходили. Может быть, какие-то противоречия там возникали, может быть...

М.В. Шистеров: У Вас не возникает впечатления, что в современных работах этот контекст разрывается?

Т.Г. Шумкина: Тем не менее, мы стараемся оценивать, рассматривать и трактовать те или иные события, поступки и мотивы поведения людей с позиций того времени, когда это происходило, когда они жили, и в той системе ценностей и координат, которые были присущи тому времени.

М.В. Шистеров: Конечно, сразу же возникает еще один большой вопрос. Как мы поймем эту систему ценностей, если ее сначала надо реконструировать? Иначе получается, что мы просто приписываем...

В.Н. Земцов: Мы пытаемся. Максим Валерьевич, Вы же понимаете: здесь сейчас находятся студенты, а Вы разрушаете все их представления... Все равно мы пытаемся реконструировать, но одновременно с этим мы осознаем, что до конца никогда не сможем это сделать. Но сам факт того, что мы делаем это, и в ряде случаев даже более или менее убедительно, говорит о нашем профессионализме. Если этого не будет, то о чем речь?

Все-таки надо переходить к следующей стадии нашего разговора. Татьяна Геннадьевна сказала о том, что появился источник. Есть документ – есть история, нет документа – нет истории. И с этим можно согласиться, но можно согласиться и с тем, что часто бывает так, что документ есть, но это совсем ни о чем не говорит и ничего не значит. А сам контекст, который следует из сопоставления, и само сопоставление не документов как таковых, а неких событий, которые происходили, это значительно более важно. Был такой замечательный историк А.Дж.П. Тейлор. Он в свое время, по крайней мере, для англосаксонского исторического мира, такой вопрос поставил.

Л.В. Коробицына: Да, это знаменитая работа «Истоки Второй мировой войны», в которой Тейлор представил некий новый подход к источникам, когда он ряд источников отсеивает. Так он говорит, что одними из основных источников по Второй мировой войне традиционно были «Mein Kampf», выступления А. Гитлера, его публичные речи. И Тейлор к ним подошел очень критически. Он говорил о том, что эти выступления по своей сути не были программными, они были направлены на широкие массы. И их основной целью было не представление людям реальных планов, стоявших перед правительством, а идеологическая накачка их некоей информацией, зомбирование. По крайней мере, эта проблема в плане источников была поднята.

М.В. Шистеров: Мне вспомнился термин, который достаточно часто встречается в работах по теории историографии: это «внеисточниковое знание». Что такое внеисточниковое знание? Это, в сущности, и есть некий контекст, которых знает историк или думает, что знает. И он, следуя этому контексту, отбирает источники в зависимости от того, как это делал Тейлор и другие. То есть считая их для того или другого годными или не годными. В антиковедении, например, этот принцип работы встречается сплошь и рядом.

В.Н. Земцов: Потому что там собственно источников кот наплакал.

М.В. Шистеров: Мало того, Владимир Николаевич, они обычно все противоречат друг другу, поэтому там невозможно согласовать версию, если ты не будешь в отношении каких-то источников занимать критическую позицию. Проще говоря, если не будешь какие-то свидетельства переинтерпретировать, либо сдвигать по времени, либо как-то согласовывать со своей основной позицией. Поэтому там это внеисточниковое знание играет большую роль.

А.А. Постникова: Здесь появляется абсолютно разный подход к понятию «историзм». Если в конце XIX в. есть конкретные источники, которые о чем-то свидетельствуют, значит это истинная правда. В начале XX в. более точно об этом начала заявлять «школа» Анналов, появляется такое понятие, как «интертекстуальность». Мы можем по-разному толковать каждый документ, каждый источник. Одним из первых это продемонстрировал Люсьен Февр в своем исследовании о Ф. Рабле. Традиционно с эпохи позитивизма считалось, что деятельность Рабле приводит к тому, что во французском обществе произошла десакрализация, когда религия уходит на второй план и формируется светское сознание. Так считалось потому, что он высмеивал и критиковал церковь и образ короля. Февр задается другим вопросом: а кто читал Рабле во Франции XVI в.? Он находит разные источники, которых не так много, и

приходит к выводу о том, что Рабле читала практически только элита общества, а народная масса его не читала. Здесь возникает вопрос. И опять же... Та же самая школа Анналов и последующие представители микроистории и исторической памяти рассеивали одни мифы и создавали другие мифы. Все равно они в любом случае стремились к некоей исторической истине. И Февр говорит о том, что ставит вопрос в более масштабном плане, и оказывается, что мы не можем с XVI в. начинать эпоху Нового времени, и рубеж нужно передвинуть до XVII в и далее.

В.Н. Земцов: Вся провинция оставалась еще в прежнем качестве.

А.А. Постникова: То есть получается, что на основе неких единичных фактов и источников они выходят на более глобальные проблемы.

М.В. Шистеров: Экстраполируют.

А.А. Постникова: Но в то же время меняется отношение к понятию историзма как раз в рамках «школы» Анналов.

В.Н. Земцов: «Школа» Анналов – это особая песня. У нас ей был посвящен «круглый стол» 4-5 лет назад, на котором был Владимир Алексеевич Бабинцев, на мой взгляд, у нас наиболее крупные ее знаток. Сейчас мы об этой «школе» в нашей глухой провинции уже кое-что знаем... кое-что почитали, подумали над этим. Можно снова это продолжить, хотя много и других тем.

Но меня как ведущего круглого стола заботит то, что сейчас мы обсуждаем тему «История и историк в ситуации интердисциплинарности». В сущности, мы частично ее затронули, конечно. Я думаю, что абсолютная интердисциплинарность была в античное время, чувствовалась в эпоху Средневековья. В Новое время стало твориться что-то неладное, так как историк начал выделяться из этого мира гуманитариев. Правда, еще некоторые, не очень сознательные историки пытались хорошо, красиво, прямо как литераторы, писать, но, как оказалось, только в некоторых странах, не совсем понявших смысл революции, которая в историческом знании произошла.

М.В. Шистеров: Все-таки вряд ли стоит считать, что немцы писали только сухие тексты со ссылками. Они же тоже работали. Тот же Т. Моммзен, к примеру. Он работал как историк эпохи модерна. У него есть замечательные исследования в области римского права, которые сегодня считаются классическими. Кстати говоря, на русский язык переведена только его «История Рима», а она написана как раз без ссылок. Это был текст, который был написан так, как мы здесь описывали применительно к некоторым историкам XIX в., и за него он получил Нобелевскую премию по литературе.

В.Н. Земцов: Вспомните Черчилля, который Нобелевскую премию по литературе получил за «Вторую мировую войну»...

М.В. Шистеров: То есть эта традиция тоже была – писать красиво, писать так, чтобы это было назидательно, с дидактическими целями, и в то же время образцово с точки зрения эстетики языка.

В.Н. Земцов: Один магистрант у меня сейчас пишет работу по Черчиллю как историку. Может быть действительно, это некий эталон в отношении будущего историка? Много чего совпало: аристократ, хорошо образованный, с большим практическим опытом военного и государственного деятеля, относительно богат. Хотя историк не должен быть слишком богат, потому что он перестанет писать, а Черчилль писал ради гонораров. Тех историков, которые работали в архивах, он просто покупал, они ему готовили документы; он их осмысливал и диктовал, дабы текст был красив, и потом только немного редактировал и получался бестселлер. «Вторая мировая война» – бестселлер, «Мальборо: его жизнь и деяния» – бестселлер, и что не возьмешь... Вот некий образец соединения писательского таланта, государственной мудрости и стремления зафиксировать какой-то важный этап человеческой истории.

А.А. Постникова: В начале XX в. появляется идея о междисциплинарности, то есть подключения к традиционному историописанию неких иных контекстов. Я не знаю, может, есть более ранние исследования, но я обратила внимание на то, что в «Осени Средневековья», которая опубликована в 1919 г., там эта междисциплинарность присутствует. Автор попытался на основе литературы, произведений искусства увидеть черты увядания средневековой культуры и в то же время эволюционного перехода к эпохе Возрождения. Й. Хейзинга, обработав эти материалы. Написал о том, что не надо ставить четкие границы между Средневековьем и Возрождением. А потом эту идею поддержали анналисты и более активно ее начало развивать второе и третье поколения «школы» Анналов. И в отношении интердисциплинарности они говорили, что историк не должен брать источники, только непосредственно связанные с его исследованием, что надо рассматривать экономику, надо рассматривать культуру, чем жил человек прошлого, исходить от главной единицы – конкретного человека, чем он жил, что он чувствовал и какими категориями он оперировал.

В.Н. Земцов: Часто интердисциплинарность мы воспринимаем несколько упрощенно. Что такое интердисциплинарность для гуманитариев? Как мы поняли, что это такая естественная среда. Нередко мы говорим об интердисциплинарности, когда гуманитарий-историк привлекает точные знания из точных, естественных наук. Например, археологи.

Те, кто занимается смертью исторического героя, а если есть его труп, то это вообще прекрасно! Исторической демографией, исторической социологией и т.д. Правда, здесь вклинивается историческая психология, которая, как я считаю, к точным наукам отношения не имеет. А все остальное – наша естественная среда.

М.В. Шистеров: Правда, при этом надо отметить, что к тем, кто слишком активно использует математику в истории, отношение историков обычно не очень хорошее.

В.Н. Земцов: Да, есть несколько примеров. Один пример известен всем – это А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский. Но есть еще один пример, я считаю, более позитивный – это наш уральский историк Сергей Александрович Нефедов, который по первому образованию математик, но защитивший кандидатскую и докторскую по истории, и он является весьма известным уральским историком. У него многие работы переведены на иностранные языки, он постоянно «там» издается. К нему некоторые коллеги относятся до сих пор скептически, а я начал в последнее время относиться к нему достаточно позитивно. Дело в том, что все равно мы, историки, очень разные. То, что ему можно как математику, возможно, даже в силу не только его образования, но и духовного склада, классический историк себе позволить не может. <...> Есть и такая история и оказывается, что в современном мире, в нашем цехе историков это довольно востребовано.

М.В. Шистеров: Я некоторое время назад удивился, когда увидел небольшой фрагмент видео-лекции П.Ю. Уварова, где он, рассуждая о глобальном Средневековье, упомянул С.А. Нефедова. С одной стороны, я сначала удивился, а потом посмотрел внимательнее и понял, что у нас в стране сегодня есть целая когорта историков такого типа. Эти историки – не совсем «чистые» историки (часто со вторым неисторическим или даже негуманитарным образованием), которые используют разные методы смежных – и не только смежных – наук для того, чтобы представить несколько иной взгляд на те или иные исторические проблемы, обычно, глобального характера.

В.Н. Земцов: В сентябре на конференции в Бородино пришлось общаться с одним иеромонахом. Как оказалось, очень известный в тех кругах человек, по первому образованию физик. Он попытался предложить свой метод подсчета боевых потерь русских и французов в Бородинской битве. Он выступал в том зале, где сидело несколько человек, которые этим занимаются всю жизни и занимаются как историки. Он прибег к математическим методам, пытался опираться на теорию вероятности. И он вызвал резко негативную реакцию. Андрей Иванович Попов взял и демонстративно вышел. Я досидел до конца, и потом он ко мне начал приставать с вопросом:

«Ну как? Понравилось ли?» У меня, конечно, – отторжение, потому что источников исторических он не знает. В конечном итоге, спустя год, я начал успокаиваться, начал думать о том, что может я чего-то не понимаю. Может, к этому надо отнестись спокойнее, хотя и на первый взгляд это халтура?

М.В. Шистеров: В сущности, они делают то, что не смогли сделать историки – они пытаются превратить историю в науку.

А.А. Постникова: В отношении зарубежных историков мне вспомнился один пример. Это Кристофер Шарль. Первое образование у него социологическое, и он пытается применить социологические методы при исследовании интеллектуалов во Франции XIX в. У него есть интересные исследования по поводу дела А. Дрейфуса. Шарль, в частности, привлек социологический и математический методы и проанализировал лагерь дрейфусаров и антидрейфусаров, социальный статус тех и других, сделал различного рода количественные выкладки. Он также рассмотрел специфику студенчества и сделал вывод, что именно в эту эпоху студенчество начинает влиять на политические события и активно реагировать на действия властей. Он проанализировал по факультетам: какое количество факультетов Сорбонны было в лагере дрейфусаров, а какое – антидрейфусаров. Он пришел к выводу, что дрейфусарами были филологи и историки. Именно тогда началось это братство, и с тех пор они стали находиться в оппозиции к власти, что потом проявится в эпоху Ш. де Голля. А антидрейфусарами были студенты факультета права. Таким образом, используя математические методы, он приходит к любопытным выводам. Я думаю, что человек, который имел чисто историческое образование, не смог бы провести подобную работу.

М.В. Шистеров: Кстати, я тоже хотел бы отметить подобное. В чем сила и слабость междисциплинарных исследований? Слабость, прежде всего в том, что они зачастую носят поверхностный характер. [...] То есть я хочу сказать о том, что хорошее междисциплинарное исследование предъявляет, прежде всего, серьезные требования к самому исследователю. Нужно уметь пользоваться этими методами и нужно действительно быть специалистом, а не быть знакомым с этими методами поверхностно.

А.А. Постникова: Но она и не стремится к этому.

М.В. Шистеров: Да, это некий обзор основных моментов, причем, обзор выборочный. То есть я хочу сказать о том, что хорошее междисциплинарное исследование предъявляет, прежде всего, серьезные требования к самому исследователю. Нужно уметь пользоваться этими методами и нужно действительно быть специалистом, а не быть знакомым с этими методами поверхностно.

А.А. Постникова: Смотрите, классики постмодерна – это люди, которые работают в разных областях. Тот же самый У. Эко хорошо знаком с историей Средневековья, со средневековой филологией. П. Акройд: история и филология, искусство. Многие произведения Акройда поражают знаниями автора в этих областях. И это тоже люди, которые работают в рамках междисциплинарности. И если говорить в отношении постмодерна, то всех этих авторов так или иначе следует относить к филологам, и они не утверждают какие-то исторические истины, не выдвигают претензий в отношении исторического знания. И здесь мы можем точно сказать, что в филологии постмодерн существует. Так же как и в философии. А что за постмодерн в истории? Это серьезный вопрос. Сложилось так, что со студенческих лет на наших клубах мы всегда говорили о том, что все новые направления в историописании (микроистория, историческая память и другие) так или иначе относятся к постмодерну. Но насколько это справедливо? Какие исторические исследования мы относим к постмодерну?

В.Н. Земцов: Вначале в отношении прежнего сюжета, о котором мы говорили. Мне кажется, было бы интересно создавать творческие коллективы под грант при разрешении какой-то проблемы, где бы соединялись люди разных наук. Мы, историки, традиционно создаем коллектив из историков, привлекаем тех, кого мы знаем. Физики – физиков, химики – химиков и т.д. Но, вероятно, было бы гораздо интереснее и продуктивнее, если бы представители разных наук (не обязательно связанных с гуманистикой), представители точных наук в такие коллективы бы входили. Пока в нашей стране я такого не знаю.

Т.Г. Шумкина: Владимир Николаевич, на мой взгляд, что-то подобное можно увидеть уже в конце XIX в., когда известный французский ученый и философ Анри Берр создает Международный центр синтеза. И в начале XX в. начинает выходить журнал «Синтез в истории», где он пытался привлечь специалистов из разных смежных с историей наук... Идея исторического синтеза – это идея Анри Берра, которую потом «школа Анналов» развивала. На мой взгляд, для XX в. этот проект был очень значимым, значима была сама эта идея.

В.Н. Земцов: Есть несколько других примеров, когда в связи с решением какой-то конкретной задачи такие коллективы стихийно возникают. Я сталкивался с двумя такими примерами. Первый пример – это тайна смерти Наполеона. На первый взгляд, это детектив, но на самом деле была проведена очень серьезная работа и историками, и медиками, и физиками, и химиками... Второй пример, который связан с работой, которая, к сожалению, до сих пор не завершена – это царские останки. В этом деле участие принимали многие специалисты,

представители самых разных наук. И это два примера. Конечно, я думаю, что есть гораздо больше примеров. Археологи, наверное, сталкиваются с этим гораздо чаще, чем традиционные историки.

М.В. Шистеров: Да, археологи, которые занимаются ранними этапами антропогенеза и прочим...

А.А. Постникова: У меня возник вопрос. Анналисты действительно оперировали категориями синтеза, в рамках «школы» Анналов был проект или был коллектив, который написал бы совместную книгу с представителями других гуманитарных наук? Кажется, не было. То есть они сами в одном лице пытались проникнуть в основы других наук? Они рождали идеи, но отчасти эти идеи только сейчас начали реализовываться в зарубежной науке в плане создания междисциплинарных коллективов. У них это уже в порядке вещей – создавать коллективы с филологами, коллективы в рамках изучения политической лингвистики. И это та область, которая объединяет. Историческая политика и политическая лингвистика объединяют филологов, философов и историков. Буквально два года назад завершился большой проект у немцев в отношении исторической памяти России о войне 1812 года. Там работали не только историки, но и филологи и философы. Конечно, все они представители гуманитарной науки, но так или иначе это был грандиозный проект междисциплинарного характера. Я еще пока не знаю его результатов, к чему они пришли. В нашей стране таких коллективов нет. Может у археологов или этнологов?

М.В. Шистеров: По крайней мере, они не заметны, хотя звучит эта тема постоянно.

В.Н. Земцов: Может, историк сам по себе является чрезвычайно эрудированным человеком? Ю.М. Лотман, например, или Н.Я. Эйдельман, и это для него совершенно естественная среда. Или А.Я. Гуревич, который был человеком широчайшей эрудиции. Вот пример недавнего прошлого: две недели назад меня и Максима Валерьевича пригласили на конференцию психологи. Я подготовил для этой конференции небольшой материал, связанный с военно-исторической реконструкцией, а именно, как это движение влияет на некоторые психологические моменты, преодоление определенных комплексов, помогает сближению представителей разных наций. И когда меня представляли, я был поражен тем, что мою тему представляли как «совершенно уникальную». Я так понял, что то, о чем они говорят, для них уже настолько банально... И чем мое выступление было неожиданным и феноменальным, я до сих пор не понимаю... Есть огромнейшая сфера, где психологи, оказывается, еще не увидели для себя поле действий – эта военно-историческая и вообще историческая реконструкция. Много чего там можно сделать,

написать, создать исследовательские коллективы. За все годы существования этого движения у нас и за рубежом я не видел, чтобы психологи и социологи им занимались.

А.А. Постникова: Социологи этим занимались.

В.Н. Земцов: И сейчас занимаются, но это все выглядит очень убого. И поэтому, не только мы – историки, жаждем этого синтеза и не видим, как его можно осуществить, но и представители других наук тоже не видят в нас потенциальных союзников, коллег и не понимают, как можно нашими темами воспользоваться. Я считаю, что это явление ненормальное...

М.В. Шистеров: Такая профессиональная зашоренность...

А.А. Постникова: В отношении истории и психологии: у американцев сейчас очень активно развивается тема истории страха. Они это направление разрабатывают совместно с психологами. По крайней мере, я видела одну статью в отношении исследования американского историка, сделанную совместно с психологом. В этой статье они сравнивают, как американцы отреагировали на Пёрл-Харбор и как отреагировали на теракты 11 сентября, и как это транслировалось в периодической печати, в художественной и детской литературе и так далее. И на основе анализа реакции пытались определить причины, почему на Пёрл-Харбор американское общество отреагировало не столь бурно, как на 11 сентября.

В.Н. Земцов: Ну понятно, Пёрл-Харбор – далеко, а здесь – рядом...

А.А. Постникова: И, соответственно, какие последствия, какие отзвуки получили эти события в Интернете и периодической печати, отзвуки, которые исходили от самого американского общества. Мне кажется, это хорошее направление исследований.

Т.Г. Шумкина: Я бы хотела добавить реплику в плане того, как в нашей стране в рамках современной исторической науки создаются творческие коллективы, где бы историки сотрудничали с другими гуманитариями и представителями точных и естественных наук. На мой взгляд, может быть, это не вполне сложившаяся традиция, но, все-таки, в качестве примера можно рассматривать те центры, которые работают на базе Института Всеобщей истории. Это Центр культурно-исторической антропологии или же Центр интеллектуальной истории. Есть и неофициальные объединения и ассоциации, например, Российское Общество интеллектуальной истории или Российская ассоциация исследователей женской истории.

М.В. Шистеров: Мне в связи с этим вспомнились два момента. Мне вспомнилось, что пару лет назад в «Диалоге со временем» я видел статью, причем, она была разбита на несколько номеров, написанную в соавторстве психологами и историками, на

тему психологического портрета Нерона. Я ее прочитал, и мне этого начала хватило, чтобы понять, что дальше читать я это не буду. Некоторые примеры показывают, что такие междисциплинарные опыты не всегда бывают эффективными. На мой взгляд, статья была очень поверхностная. Этим говорю к тому, что результаты подобных опытов бывают разными.

Т.Г. Шумкина: Мне кажется, что здесь самая главная проблема в том, насколько методы другой науки применимы в исторической науке и какие результаты они дают...

М.В. Шистеров: А насколько сами исследователи готовы?

А.А. Постникова: Подобная проблема проявляется достаточно часто. В рамках европейской науки эти исследователи, конечно, работают под большие проекты, под большие деньги; задается определенная тематика, и они все собираются и работают под эту тематику. У нас сложилась другая ситуация. У нас люди не переходят от одной темы к другой, они занимаются одной темой всю жизнь. Конечно, можно создавать огромные коллективы даже в рамках нашего вуза, чтобы, скажем, заниматься информационными войнами либо чем-то в аспекте российской истории. Но я думаю, что представители нашей кафедры не будут этого делать, потому что у нас есть другие интересы. А в Европе это все решается гораздо легче, они очень гибко переходят от одной темы к другой.

В.Н. Земцов: Многие из них учились в одном месте, в другом месте – работают. Там, конечно, мобильность значительно выше, чем у нас. А у нас ситуация такая, что держись за одно место, а то вообще без работы останешься. И плюс еще, разумеется, что значит переходить с одной темы на другую? Ты в течение всей жизни набираешь документы, материалы. А как их набирать в наших архивах?.. Некоторые из сидящих здесь коллег знают это очень хорошо. И конечно на это уходит вся жизнь, и тут много не попрыгаешь. Если в том же Service historique de la Défense можно фотографировать все, что угодно и этим потом пользоваться, то в наших архивах такого нет. Ты будешь сидеть и переписывать карандашиком в течение всей жизни несколько документов. Спрашивается, как ты будешь менять свою тематику? Жалко, что сегодня не участвует в нашем круглом столе Ольга Сергеевна Поршнева. Я часто вспоминаю ее первую, и, как я считаю, лучшую книгу под докторскую диссертацию «Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны». Помню, когда впервые я увидел эту книгу, мне она показалась очень странной. Отторжение было. Там были нарисованы схемки, говорящие о том, кто и как относился к Временному правительству, к его деятельности, как менялось отношение, и так

дальше. На основе чего это было сделано? Нужен был, конечно, массовый источник. Ольга Сергеевна эту работу сделала на основе, прежде всего, писем и дневников – у нее массовый источник был. Я потом попытался за ней следовать, попытался проанализировать дух французской армии после Бородинского сражения, тоже на основе писем, которых оказалось достаточно много – несколько сотен, которые не были востребованы как массовый источник. Но я сейчас очень скептически отношусь к тому, что я сделал. Почему? Потому что нужна гораздо более глубокая работа, а самое главное – эти письма, это письма, случайно попавшие в руки казаков. Насколько они репрезентативны? Это вопрос очень важный. И здесь, мне кажется, кроме вопроса о том, что у нас разные методы, мы привыкли и должны работать с другим источником. Источник у нас редко оказывается массовым, а если оказывается массовым (я много раз видел на защитах диссертаций, как притягивали за уши, что, дескать, его можно использовать как массовый), насколько это все репрезентативно? Мы, профессионалы, относимся к этому очень скрупулёзно. Можно ли это делать? Мне кажется, здесь еще вопрос. И чем скорее наши архивы превратятся в более современные, я имею в виду больший доступ к документации, и меньше время мы будем должны затрачивать на обработку этих документов, тем больше у нас будет возможностей для взаимодействия с представителями других наук.

А.А. Постникова: У меня вопрос к студентам-филологам, здесь присутствующим. Интересно, можно ли моменты психолингвистики использовать применительно к изучению прошлого? Те же самые письма, мемуары и дневники анализировать с точки зрения психолингвистики? Возможно ли это?

А.В. Швецова: Смотря какие вопросы решать этими методами.

А.А. Постникова: А что в себя включает психолингвистика? Что она исследует? Текст, но в контексте чего текст?

А.В. Швецова: Она исследует то, как, во-первых, речь воспринимается человеком и как она обрабатывается.

А.А. Постникова: То есть, это больше устная речь?

А.В. Швецова: И устная, и письменная. Во-вторых, как происходят процессы рождения речи. И третий аспект...

Е. А. Кузнецова: Вопрос о языке и мышлении, то есть, как представлен язык в сознании человека.

А.В. Швецова: И как по тексту можно вычленишь какие-то характеристики человека, языковой личности.

М.В. Шистеров: Известно, что есть определенные способы, чтобы выяснить, женщиной написан текст или мужчиной...

В.Н. Земцов: В принципе, это и так порой часто бывает понятно.

М.В. Шистеров: А если там нет категории рода, например?

В.Н. Земцов: Максим Валерьевич, все равно понятно.

М.В. Шистеров: Но есть и научные способы.

В.Н. Земцов: Есть, наверное, и научные способы.

А.В. Швецова: Еще психолингвистика позволяет реконструировать, какой была субъективная реальность человека или какого-то общества в какой-то период времени.

В.Н. Земцов: Три недели назад мне дали перевести часть записей из дневника русской девушки XIX в. Там очень много было написано по-французски. Это рукопись, причем там разные почерка, сложно читается. Но такую работу я провел. И мне было несколько скучно, потому что все было очень однотипно. Это, между нами говоря, девчачьи сопли. Причем, в стиле начала XIX в. Правда, в конце и Ж. Лабрюйер пошел... Там уже что-то серьезное почувствовалось. Подумал, что выросла девушка. Но меня поразило другое. Я узнал несколько дней назад у человека, который мне предложил это перевести, что альбом этот начинается фактически в 1806–1808 гг., и уже в 1808 г. несколько стихотворных строк у нее есть. Меня поразило, что оказывается, в 1808 г. ей было уже 28 лет, и в этом году она уже потеряла мужа! В общем-то, французский язык у нее был хороший. Но, вместе с тем, какая убогость мышления, мировосприятия была у очень многих барышень того времени! И это несоответствие: с одной стороны, я говорю, что можно сразу понять, кто написал тот или иной текст – мужчина или женщина. Но в начале, когда я стал переводить, я подумал что это пишет девушка 12-15 лет, и только потом, к 20-м годам она немножко развилась, а оказалось, что я здесь совершенно ошибался. И оказывается, что без историка, который точно скажет, в каком году эта особа родилась, и что с ней происходило в тот или иной год, здесь не обойтись. Это к вопросу о психолингвистике.

А. А. Долженков: Использование психолингвистики и даст этот когнитивный диссонанс.

М.В. Шистеров: Конечно, эти методы было бы интересно использовать и историкам, но для этого нужно хотя бы знать, что такое психолингвистика. Я, например, вряд ли смогу использовать это сейчас. Конечно, в целом междисциплинарные исследования, если они выполнены на хорошем уровне, они всегда выделяются в лучшую сторону.

В.Н. Земцов: Как бы там ни было, я все больше ощущаю, думаю, и многие мои коллеги тоже это ощущают, ограниченность и где-то даже убогость нашего образования. И советского времени и

нынешнего. Я даже не знаю, что было хуже: когда историческое образование было более зашоренным, либо сегодня в эпоху «урезания»? Потому что тогда были свои проблемы и сейчас свои проблемы. И нередко, когда мы удивляемся эрудиции и гибкости наших коллег за рубежом, это во многом связано с характером образования.

А.А. Постникова: У нас проблема и в школьном образовании. И дело в том, что у нас университет сейчас решает многие проблемы школьного образования, потому что дети в вузе сейчас зачастую обучаются на уровне школы...

В.Н. Земцов: Да, есть такое. Но я и в Британии видел, что то же происходит и у них. Разумеется, там университеты разного уровня, но, тем не менее, там тоже массовое образование...

А.А. Постникова: В Англии, допустим, у них бакалавриат всего три года, а магистратура один год, и они, учась на истфаке, не охватывают все события истории и все периоды, потому что они это уже узнали в школе, а специализируются на чем-то конкретном.

А.И. Прокофьев: У них нередко историю изучают и на факультете искусства. Недавно вышла монография Юрия Петровича Зарецкого. Это медиевист, который также занимается вопросами методологии и осмысления историографии. В своей книге «Теория и история историографии», в одной из глав, где сравнивается исторический опыт нашего образования и образования США (а он там долгое время преподавал), он отметил интересную вещь. Там историки развиваются в мультидисциплинарном сообществе, то есть там есть филологи, политологи, представители любых наук, обучающихся вместе с историками. У нас же для того, чтобы организовать нечто подобное, как он отмечает в своей книге, нужно решить как денежные вопросы, так и пройти кучу инстанций, добиться разрешения на то, чтобы пригласить этих специалистов, где-то их содержать. У них это все решается... автоматически.

М.В. Шистеров: Из моего замдеканского опыта: недавний фрагмент из беседы с Е.В. Абдуловой, которая руководит сейчас учебной частью. Как то мы с ней поговорили по поводу того, не включить ли спецкурс на тему естественнонаучных методов в истории. Она на меня посмотрела страшными глазами и сказала: «Разве такое существует?»

В.Н. Земцов: Это же в учебном плане невозможно отразить! Вы такую головную боль создадите и себе и всему университету, что лучше, конечно, этого не делать.

А.А. Долженков: Вопрос о том, кто платит и кому это надо?

В.Н. Земцов: И потом, друзья мои, зарубежные университеты (я имею в виду развитые страны), это, конечно, языки. Это совершенно

мультиязычная среда, взаимное мультикультурное общение. И это происходит совершенно естественно. Тогда как у нас... Мы только казахов пригласили, да и несколько китайцев, которые и по-русски не говорят, а у нас по-китайски никто не говорит. Но формально мы отчитаемся. Мы уже набрали необходимое количество иностранных студентов. И вообще, в нашей стране, что не делается, все превращается в свою противоположность, в чистую формалистику.

М.В. Шистеров: Мы научились хорошо отчитываться.

В.Н. Земцов: Вы же понимаете, есть такое выражение, что человек, который знает два или три языка, проживает несколько жизней. И в том числе к вопросу о междисциплинарности. Там человек совершенно свободно читает на всех европейских языках, востоковед – еще и на нескольких восточных языках, и это нормально и естественно. У нас, чтобы добиться более или менее приличного хотя бы английского языка... И это та проблема, с которой... я как историк-зарубежник изначально на это ориентировался, и я читаю на европейских языках. Но говорю ли я на французском языке, на котором разговаривал Наполеон? И когда общаюсь с франковедами (французами, румынами, поляками, которые Наполеоном занимаются), они удивляются, что я по-французски не говорю и со мной надо говорить по-английски... Это нонсенс. Такого быть не должно по определению, но это наша современная реальность.

Л.В. Коробицына: Владимир Николаевич, мне кажется, что тут еще есть такой аспект, что европейские языки сами по себе очень родственные, и легко выучить французскому итальянский или английский, потому что основная база одна и та же, лексика одна и та же. А нам легко выучить сербский, словенский и т.д., то есть славянскую группу языков. Здесь, безусловно, есть определенная культурная отсталость и ее ни в коем случае нельзя отрицать, но не надо забывать и о том, что европейцам это дается гораздо легче, и у них культурное пространство единое, они с самого детства вырастают в этом.

А. Долженков: Не все европейцы. Скандинавы, в основном, предпочитают публиковаться на своих скандинавских языках, причем, с региональными отличиями. То есть норвежцы по-норвежски, шведы по-шведски. Единственное, я знаю, что из норвежцев по-английски пишут те, кто принадлежит к Бергенской школе.

Л.В. Коробицына: Но опять же, финны преодолели эту границу. У них семинары проходят на английском.

А.А. Долженков: Различные обучающие семинары и школы, безусловно, ведут занятия только по-английски. По моему, в этом году исландский университет в Рейкьявике открыл магистратуру по эпохе викингов полностью с преподаванием на английском.

М.В. Шистеров: Владимир Николаевич, скажите, а знал ли Наполеон итальянский язык?

В.Н. Земцов: Да, знал и знал хорошо. Кстати говоря, некоторые книги (не помню, на каком языке он читал Тацита), Оссиана он читал по-итальянски, и он с собой возил его маленькое издание.

М.В. Шистеров: А в его текстах итальянизмы тоже проскакивали?

В.Н. Земцов: Нет, он, конечно, писал по-французски... я не знаю, не анализировал первые тома его *Correspondance*, это меня мало интересовало, а так у него был вполне нормальный французский язык, потому что он тоже воспитывался на французской классической литературе – П. Корнель, Ж. Расин и все остальные, это его детские книги. Кстати, Плутарха он хорошо знал.

М.В. Шистеров: Да, говорят, что он очень Плутарха любил.

В.Н. Земцов: Но он говорил и по-французски, и по-итальянски, но на других языках он не говорил. Его пытались обучать английскому, но уже на острове Св. Елены. По-русски он не говорил, но он знал несколько польских выражений, возможно, Мария Валевская его научила, и в России он активно этими польскими выражениями пользовался. Естественно, его понимали. Помню, он в Колоцкий монастырь приехал, там сидят монахи за трапезой, он перешагивает через лавку, садится, здоровается с ними по-польски и просит, чтобы они дали ему щей, попробовал и сказал «Dobre zupę», распрощался и дальше поехал. То есть, по-польски немного знал. А так у него не было необходимости и, видимо, особой предрасположенности к языкам. Итальянский и французский – это родные, потому что корсиканский язык сейчас считается официальным, но, конечно, это соединение французского и итальянского. Это даже больше итальянский, чем французский.

Л.В. Коробицына: Насколько я знаю, итальянцы и французы понимают друг друга без переводчиков.

В.Н. Земцов: Да, наш коллега А.В. Чудинов недавно был приглашен в Неаполь читать курс лекций. Он по-французски читал, и никаких проблем не возникало. Испанцы и французы хорошо друг друга понимают, итальянцы и испанцы.

А.А. Долженков: Романская группа. Тот же Умберто Эко в своей работе «Как написать дипломную работу» говорит, что «мы считаем неграмотным человека, который не понимает по-французски, но мы прощаем человека, который не может за свою жизнь выучить шведский язык».

В.Н. Земцов: Александр, давайте дальше эту мысль не развивайте, потому что мы выйдем отсюда в состоянии полной

фрустрации. Но мы такую проблему видим, особенно, люди еще советского времени, когда мы иностранцев здесь не видели. Их и не было, у нас был закрытый город. Мы по коммунистическим газетам изучали иностранный язык, и это, конечно, сказывается по сию пору. И счастливы те, кто имеют сейчас возможность непосредственно общаться с иностранцами, говорить на разных языках, и это надо беречь и развивать, и тем, кто еще не начал это делать, обязательно этим заняться. Иначе мы с вами останемся без междисциплинарного синтеза.

Все-таки я думаю, что надо уже подходить к завершению. А финал – пост-постмодерн или то, что после постмодерна. Все, конечно, очень условно, но мне думается, что это определенное возвращение, как писал М.А. Бойцов, к Геродоту, к историописанию более или менее традиционному, когда историк все-таки пытается найти какую-то истину, по крайней мере, для себя, и историописание у него основано на хорошей проработке документов. Разумеется, это уже не прежнее качество эпохи голимого позитивизма. Мы должны были пройти через эпоху постмодерна, а именно, они осознать относительность нашего знания и увидеть разные стороны истины и одновременно – осознать необходимость привлечения разных знаний и выводов из других наук. Я считаю, что это и есть пост-постмодерн. Мы возвращаемся к позитивной истории, к позитивному восприятию. Сегодня говорили о том, что родилась идея линейности истории, идея прогресса, а мне кажется, что в эпоху разгула постмодерна все равно каждый из нас, пишущих историков, все равно был и есть сторонником убеждения, что прогресс есть. Если мы будем его отрицать и будем говорить об абсолютной относительности исторического знания, значит, мы не просто отпилим сук, на котором сидим, мы потеряем смысл нашего существования, а это самое страшное. И история, правы коллеги, которые об этом говорили, является не просто наукой, которая стремится к установлению истины, она еще и наука воспитывающая, она несет в себе большой морально-нравственный заряд, и мне кажется, что к этому мы постепенно возвращаемся. Это происходит не только в нашей стране. В нашей стране, наверное, это происходит наиболее болезненно. Вы помните эпоху В. Пелевина и эпоху 90-х гг.? Мне не нравится то, в какой форме мы возвращаемся к позитивизму. В форме 12-томной истории о «Великой Отечественной войне»? Это не то. Почему? Потому что в этом случае создается впечатление, что всего нашего тридцатилетнего опыта вроде как и не было. Мы должны прекрасно осознавать и давать себе отчет в том, что был советско-германский пакт, что оценивать его нужно по-разному, был сталинский период и многие другие вещи. Это то, что мы нарабатывали за последние тридцать лет. Мы не должны этого

растерять. К огромному сожалению, те люди, которые сегодня определяют течение исторической науки и финансируют историческую науку, и определяют правила игры, этого по определению не осознают. Почему не осознают? По причине своей культурной неразвитости, убогости образования, которое они получили в советское или постсоветское время, и в связи с теми не совсем благоприятными условиями, в которых наше общество сегодня существует. Мне кажется, что нормальный, честный, последовательный историк должен стремиться к позитивному началу не таким путем. Мы не должны растерять наследие последних тридцати лет.

Я пережил перестройку, и я реально начал работать в вузе, когда она началась. Как и многие мои современники, я надеялся и был даже убежден, что все закончится достаточно благополучно, и что мы будем развиваться достаточно динамично. Потом были 90-е гг., которые я как историк вспоминаю с большой благодарностью. Были дискуссии, были споры, разные варианты осмысления действительности и прошлого. Это было для историка замечательное время. Архивы еще не закрывались, наоборот, они открывались. Для нас тех лет, в отличие от 70-х гг., открывался весь мир, и это тоже тот багаж, который мы получили в 90-е гг. Багаж, как я считаю, для исторической науки очень позитивный. Сегодня я и многие люди, с которыми я учился, мы не хотим, чтобы тот опыт, который мы приобрели, то, через что мы прошли, было забыто и отвергнуто. Возвращаться в 70-е годы ни в коем случае нельзя. В противном случае мы снова наступим на те же самые грабли, а это уже смерть и для нашей страны, и для цивилизации. Наша страна этого уже не выдержит. В моем восприятии пост-позитивизм выглядит таким образом.

А.А. Постникова: Мне кажется, что чистая историческая наука никогда не развивалась линейно. Если говорить в отношении пост-постмодерна, то мне мыслится, что он не теряет достижения, которые были достигнуты в эпоху постмодерна. Хочу вспомнить исследования Роберто Боланьо. Это писатель, которого причисляют к пост-постмодернистам, но не известно, относит ли он сам себя к этому направлению. У него есть книга, роман «Третий рейх». В нем определенно сохраняются такие черты постмодерна, как контекст, сохраняется интертекстуальность, то есть там разные трактовки текста, идет рассказ в рассказе, параллельные действия, когда с одной стороны – это детективный рассказ, а с другой стороны – своего рода игра в Третий рейх. Но в чем отличие его романа от тех произведений, которые были характерны для эпохи постмодерна? Как бы мы не передвигали разные войска, как бы главный герой романа не

стремился, играя за Германию, выиграть, все равно оказывается, что историческая истина есть, все предопределено, и Германия должна проиграть. И с кем бы он не играл, кого бы он не приглашал к этой игре, он проигрывал в любом случае. Это было предопределено изначально в силу существования некоей исторической истины. Знакомясь с этим романом, я подумала: а может быть из этого состояния историческая наука и не выходила? То есть постмодерн существовал изначально, по определению. Я стала задумываться вот над чем: когда я вообще слышала и видела, чтобы зарубежные историки, которых мы уже заведомо относим к постмодернистам, причисляли сами себя к этому направлению? Я вспомнила одного Ж. Ле Гоффа. У него есть книга «История и память», которая представляет собой некое методологическое рассуждение, и он как раз в ней отнес историческую память к постмодерну. Причем, Пьер Нора об этом сам не заявлял, что то, что он делает – это постмодерн. Ле Гофф заявляет об этом. Потом он начинает писать свой известный шедевр (как он сам сказал, самый значимый для него труд) – «Людовика Святого». И как раз в жанре исторической памяти. То есть, там не предполагается, что есть некая историческая истина, и каждый век создает свой образ Людовика Святого. Напомню, что и современники не считали его святым, и он сам не претендовал на эту роль. Этот ореол был создан ранними Бурбонами, им нужна была историческая традиция, и они создали эту традицию о Людовике Святом, которую подхватили последующие поколения, и сейчас французы ее используют.

Отчасти я еще обращалась к некоторым методологическим исследованиям К. Гинзбурга, который является основателем микроистории. Он конкретно никогда не заявлял, что микроистория относится к постмодернизму, но отчасти его разные рассуждения, так или иначе, соотносились с тем, что мы называем постмодерном. Он говорил о том, что историк – это некий сыщик, он сравнивал методы историка с методом Шерлока Холмса. Все его исследования построены в некоем детективном жанре. В 2000 г. у него вышло очень интересное исследование «Судья и историк». Там он пытается сравнить роль судьи и роль историка. Причем, он рассматривает реальные события, произошедшие в Милане в 1969 г., когда там произошел теракт и виновных так и не нашли. Вокруг этого дела было много загадок. Гинзбург спустя тридцать лет поднимает документы этого процесса и пытается восстановить ход событий. К чему он приходит в итоге? Он рассуждает в отношении историка и судьи и говорит о том, что приговор, который вынес судья, более историчен, чем приговор историка. Потому что гипотетический историк, прежде чем прийти в зал суда, уже имеет изначальноный приговор и просто

находит доказательства для подтверждения этого приговора. Гинсбург утверждает, что историк сам создает некую истину. И здесь мы явно видим черты постмодерна. В 2012 г. в своей книгой «Нити и следы: истинное, ложное, вымышленное» он многих удивил. Он заявил, что переносить на историю принципы постмодерна глупо. На примере своих исследований и исследований Натали Земон Девис он приходит к тому, что любое микроисторическое исследование по определению выходит на то, чтобы попытаться заявить о некой истинности. О чем заявляла в «Дамах на обочине» Земон Девис? О том, что религия продолжает играть главенствующую роль в мировосприятии человека, причем человека среднего класса, к которому относились ее дамы. Тот же самый Гинсбург в отношении методов и механизмах формирования еретических учений, о соотношении ереси и официальной религии как раз и утверждал, что так или иначе микроистория стремится к утверждению некоей истине.

Кажется, мне удалось найти некий аналог подобного направления (то есть пост-постмодерна) в американской науке, это направление называется «новый историзм». К нему американцы относят третье поколение «школы» Анналов и всех, кого мы относим к постмодерну. То есть в новом историзме есть черты постмодерна, но все-таки для его представителей существует некая историческая истина, историзм в их исследованиях присутствует, но только он интертекстуален, то есть историк по-разному пытается трактовать документ, исследовать все стороны жизни человека прошлого, но все равно он должен стремиться к некой истине. Кажется, новый историзм в исторической науке сформировался 80-е годы XX в. Причем изначально в филологии. Его основателем считают Стивена Гринблатта. Это шекспировед, он как раз анализировал У. Шекспира и его эпоху. Но, может новый историзм отчасти в чем-то схож с пост-постмодерном, о котором мы сейчас говорим? И тогда вполне логично, что элементы пост-постмодерна появились гораздо раньше, в 70-е гг.?

М.В. Шистеров: В конечном итоге, из того, что Алёна Александровна рассказала, возникает вопрос: что такое постмодерн? Потому что, в сущности, мы видим здесь огромное количество направлений. И самое главное – тут не очень понятной становится сама проблематика. У историка всегда есть стремление к истине... Я вспомнил, что одна афро-американская писательница предложила в свое время метафору аквариума для понимания этого принципиального различия между модерном и постмодерном. Когда мы вплотную приближаемся между модерном и постмодерном. Когда мы вплотную приближаемся лицом к стеклу аквариума, и нам кажется, что мы в нем – это модерн, а постмодерн – это когда мы отодвигаемся и видим сам аквариум, тогда появляются некие рамки, и мы видим

совершенно иную картину. Но это тоже фикция, самообольщение... А историк все равно стремится к истине.

М.В. Шистеров: Потому что если к истине не стремиться, то невозможно будет дальше стремиться делать свою работу. И насколько это соотносится с философским постмодернизмом? Или с тем, чем являлся постмодернизм в филологии?

А.А. Постникова: Просто в филологии и философии нет необходимости в историческом исследовании. А если историк изначально не будет открывать какие-то истины, он не станет историком.

М.В. Шистеров: О том-то и речь, что историк, становясь постмодернистом, перестает быть историком.

В.Н. Земцов: Очень позитивно мы заканчиваем. Хотя многие из присутствующих утомились, но, по-моему, встреча была интересной и полезной. В любом случае, мы набросали здесь тем еще на несколько круглых столов. Алёна Александровна совершенно определенно заявила претензию на статью в наш сборник по поводу пост-постмодерна. Я напоминаю, что мы традиционно приглашаем всех, независимо от рангов и чинов, в наш 17-й сборник «Вопросы всеобщей истории». И тематика как раз та, какую мы сегодня обсуждали на нашем круглом столе. <...>

Мне хочется сказать, что мы заметно выросли. Я вспоминаю первый круглый стол, он был в 2009 г., – «Громкое эхо Полтавы». Мы приглашали очень известных людей, они откликнулись. Были Д.А. Редин, Е.А. Курлаев, Е.Ю. Рукосуев и много других интересных специалистов. Сегодня, к огромному сожалению, пришли не все, на кого мы рассчитывали, и, тем не менее, круглый стол состоялся, И, по-моему, качество сегодняшнего обсуждения достаточно высокое. <...>

Две недели назад я выступал на учительском семинаре по поводу дискуссионных проблем Второй мировой войны. После семинара немолодая учительница задала вопрос. Тезис ее сводился к следующему: «Вы, историки, сидите в своих архивах и сидите там, и к нашим детям не лезьте, потому что мы их воспитываем правильно, а вы задаете разные нехорошие вопросы». К сожалению, часто ощущение такое, что обществу наши изыскания не очень нужны. Больше того, оно ощущает, что эти изыскания опасны, и это плохо. Значит, общество не здорово, и наша задача – постепенно, быстро ничего не получится, общество менять. Чем более общество культурно, чем более оно развито, тем оно более позитивно к истории и поиску истины относится. Когда мы в обществе все же будем востребованы, тогда мы сможем сказать, что наше дело увенчалось успехом.

<...>